

К.В. Левшин

ДЕЗЕРТИРСТВО В КРАСНОЙ АРМИИ

*в годы
Гражданской
войны*

(по материалам Северо-Запада России)

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 93/94
ББК 63.3(2)612
Л382

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 16-01-16119*

Левшин К. В.

Л382 Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны (по материалам Северо-Запада России). — СПб. : Нестор-История, 2016. — 360 с.

ISBN 978-5-4469-0837-0

Книга посвящена малоисследованному вопросу массового дезертирства красноармейцев и уклонения от призыва в Красную армию в 1918–1921 гг. В ней впервые в отечественной историографии комплексно рассмотрены причины явления и механизмы борьбы с ним, организация и функционирование комиссий по борьбе с дезертирством, аспекты повседневного существования дезертиров. Красноармейцы-«бегунцы» представляли собой интереснейший социальный феномен, оказавший влияние как на ход войны, так и на повседневную жизнь города и деревни. Массовое дезертирство было общей проблемой всех воюющих сторон. Оно являлось определенной реакцией населения на глобальную трагедию, одной из стратегий выживания, «шкурничеством» в буквальном смысле слова.

ISBN 978-5-4469-0837-0

9 785446 908370

© К. В. Левшин, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
<i>Глава 1.</i> Комиссии по борьбе с дезертирством Северо-Запада России	34
1.1. Оформление системы борьбы с дезертирством (1918 — весна 1919 г.)	34
1.2. Эволюция комиссий по борьбе с дезертирством Северо-Запада в 1919–1921 гг.	66
1.3. Особенности функционирования механизма комдезертир.	101
<i>Глава 2.</i> Методы антидезертирской работы.	129
2.1. Основные способы извлечения дезертиров	129
2.2. Экономические меры борьбы с дезертирством	151
2.3. Агитация и пропаганда в борьбе с массовым дезертирством	163
2.4. Выявленные дезертиры: распределение, наказания, общая статистика.	198
<i>Глава 3.</i> Дезертиры Красной армии	225
3.1. Основные причины дезертирства.	225
3.2. «Богом санкционированное дезертирство»	264
3.3. Аспекты повседневного существования дезертиров	275
Заключение	313
Источники и литература	319
Список сокращений.	330
Именной указатель	331
Приложения.	336

ВВЕДЕНИЕ

Тема массового дезертирства в Красной армии периода Гражданской войны является малоизученной, особенно в контексте существования дезертиров в условиях ожесточенной борьбы с ними экстраординарных органов — комиссий по борьбе с дезертирством. Вопрос важен с учетом его непреходящего характера, он остается актуальным в настоящее время. В современной России как бегство из воинских частей, так и уклонение от срочной службы являются серьезными проблемами, решение (или нерешение) которых будет иметь значительные социальные последствия. В нашей стране данная тема активно исследуется в юридическом и психологическом аспектах¹.

Сведения о дезертирстве из рядов современной российской армии весьма туманны. Ю. П. Оноколов в своем исследовании отметил, что

¹ См., напр.: *Беловодский В. А.* Уклонение от военной службы как социально-психологическое явление: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997; *Кудрявцев Ю. М.* Подготовка курсантов военно-учебных заведений к работе с военнослужащими, склонными к дезертирству: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Казань, 1997; *Филатов Г. К.* Психофизиологические и психологические особенности юношей-призывников с различным отношением к военной службе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 1998; *Жестеров П. В.* Криминологическая характеристика и предупреждение дезертирства среди военнослужащих срочной службы внутренних войск: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Оноколов Ю. П.* Уклонения от военной службы (исторические, уголовно-правовые, криминологические аспекты). Новороссийск, 2007; *Шаповалов В. А.* Криминологическая характеристика личности дезертира // Криминологический журнал БГУЭП. 2007. № 1–2. *Его же.* Дезертирство: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Владивосток, 2008; *Царенко Л. С.* Психологические особенности военнослужащих, совершивших самовольное оставление воинской части или дезертирство: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2010; *Вирясова Н. В.* Розыск и задержание военнослужащих, уклонившихся от военной службы: истоки, реалии, перспективы совершенствования // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/08/pdf/74.pdf> (дата обращения: 06.10.2016).

за 1996–2000 гг. 41 % от всех осужденных военнослужащих осуждены за самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ), а 14 % — за дезертирство (ст. 338 УК РФ)². Весной 1998 г. Главная военная прокуратура совместно с Комитетом солдатских матерей провела акцию «Явка с повинной», направленную на добровольную сдачу на условиях амнистии 17 тыс. дезертиров (по неофициальной информации — до 40 тыс.), сбежавших из частей с 1992 г. По ней за период с 1 марта по 27 мая явилось 3642 человек, было прекращено более 700 уголовных дел. В следующем году прошла аналогичная операция «Беглец». По итогам 1998–1999 гг. добровольно сдались более 8 тыс. дезертиров. Проведение закона об амнистии для них шло непросто. В жарких дебатах в Государственной Думе фракция ЛДПР потребовала исключить рассмотрение закона из повестки дня, а после отказа — голосовала против. Депутаты от КПРФ посчитали, что амнистия только усугубит развал российской армии. В 2001 г. журналисты Л. Букатин и П. Волошин предрекали неизбежный крах российской армии в случае перехода к контрактной службе и писали о «пяти полках дезертиров»³.

Уклонение от военной службы является наиболее распространенным среди преступлений против военной службы на сегодняшний день. Главный военный прокурор С. Н. Фридинский в своем выступлении в июне 2007 г. указал, что половина всех преступлений, совершенных военнослужащими-контрактниками, — это именно уклонение⁴. Начиная с 2001 г. в Главной военной прокуратуре и Военном университете идут активные научные исследования по разработке криминалистических методик расследования преступлений военнослужащих, совершенных в районах вооруженных конфликтов, в частности членовредительства, дезертирства и самовольного оставления части или места службы⁵.

² *Опоколов Ю. П.* Уклонения от военной службы ... С. 3.

³ Суд над дезертиром // Коммерсантъ. 1998. 3 июня; Сложение двух амнистий // Коммерсантъ. 1998. 11 июня; Они сражались с Родиной // Власть. 1999. № 15; Обращение Главной военной прокуратуры в связи с началом мероприятий по розыску военнослужащих, самовольно оставивших воинские части // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-70436/> (дата обращения: 06.10.2016); Пять полков дезертиров // Новая газета. 2001. 9 июля.

⁴ *Вирясова Н. В.* Указ. соч.

⁵ *Маликов С. В.* Расследование преступлений в районах вооруженного конфликта. М., 2005. С. 64.

Известный военный историк Г. Ф. Кривошеев отмечал большое практическое значение изучения истории дезертирства для предупреждения его на современном этапе⁶. Обращение к этой проблеме в контексте Гражданской войны в России открывает малоизученный пласт жизни сотен тысяч людей: крестьян, рабочих, георгиевских кавалеров, сектантов, большевиков, контрреволюционеров, мешочников, уголовных преступников и многих других. Мобилизации в Красную армию собрали их в огромную «теневую», но иногда очень ярко себя проявлявшую социальную группу со своими определенными моделями поведения. Понятие «дезертир» в годы Гражданской войны толковалось расширенно и включало в себя, в отличие от современной юридической практики, и бегство, и самовольное оставление части, и уклонение от призыва. В истории неизменно наблюдался усиленный рост дезертирства в периоды радикальных изменений общественных устоев, когда само бегство становилось испытанным способом сопротивления политике властей⁷. Сотни свидетельств периода Великой французской революции позволили «*Journal des sciences militaires*» утверждать, «что никогда комплектование армии не было так трудно, как в эпоху революции; никогда в войсках не было такого количества дезертиров, симулянтов, мародеров, трусов, негодяев»⁸.

Дезертирство — оборотная сторона медали любой войны. Долгое время проблема рассматривалась исключительно в контексте разработки антидезертирских мероприятий. Полноценная научная дискуссия была начата лишь в 70-х гг. XX в. американскими, а потом и западногерманскими историками. В американской историографии сравнительно подробно исследована проблема дезертирства в специфических условиях Гражданской войны в США⁹. В настоящее время

⁶ Кривошеев Г.Ф. О дезертирстве в Красной Армии // ВИЖ. 2001. № 6. С. 94.

⁷ Кукушкин В.Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919–1921 гг. // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 189.

⁸ Свечин А.А. Военное искусство // Постигание военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина М., 2000. С. 54.

⁹ См., напр.: *Beaman Peter S.* Desertion as Localism: Army Unit Solidarity and Group Norms in the U. S. Civil War. *Social Forces*. Vol. 70. 1991; *Lonn Ella.* Desertion during the Civil War. Gloucester, 1928 (reprinted 1998); *Marrs Aaron W.* Desertion and Loyalty in the South Carolina Infantry, 1861–1865 // *Civil War History*. 2004. № 1; *Weitz Mark A.* A Higher Duty: Desertion among Georgia Troops during the Civil War. Lincoln, 2000. *Idem.*

этот вопрос активно изучается германскими историками¹⁰. Современные исследователи У. Бреклинг и М. Сикора отнесли дезертирство к «пренебрегаемой» теме военной истории, предостерегая одновременно от его идеализации и уравнивания с пацифизмом¹¹.

Сам термин произошел от французского *désertion* — «побег, отступничество». Дезертирство в том или ином виде, равно как и борьба с ним, было присуще любой армии во все времена и неизменно рассматривалось как тяжкое преступление, особенно в военное время. Древние египтяне бежавшим во время боя отрезали язык, а греки «одевали... в постыдное платье, брили им половину головы и в таком виде выставляли в течение трех дней на торговой площади». За беглого спартиата, как человека бесчестного, не могла выйти замуж ни одна девушка. В Древнем Риме за дезертирство полагалась смертная казнь с конфискацией имущества. У германских племен распространенной практикой было вешать дезертиров на деревьях, как изменников, а иные вожди приказывали обрезать им нос, уши, язык или выкалывать глаза¹². Г. Тард упоминал о всего лишь пяти преступлениях, за которые полагалась смертная казнь по салическому закону, среди них и дезертирство, и трусость, и измена¹³.

Суть данного преступления представлялась в дореволюционном отечественном законодательстве в двух аспектах: внутреннем, субъективном — в намерении покинуть службу и внешнем, объективном — в оставлении места службы, что само по себе составляет правонарушение. На тысячу человек среднего списочного состава в русской армии в 1890 г. бежавших было 2,77, в 1891 г. — 2,70, в 1892 г. — 2,59, а за исключением пойманных и добровольно явившихся — 0,71, 1,09

Preparing for the Prodigal Sons: The Development of the Union Desertion Policy during the Civil War. Lincoln, 1999.

¹⁰ См., напр.: *Haase N.* Deutsche Deserteure. Berlin, 1987; *Wette W.* Deserteure der Wehrmacht: Feiglinge, Opfer, Hoffnungsträger: Dokumentation eines Meinungswandels. Essen, 1995; *Sikora M.* Disziplin und Desertion: Strukturprobleme militärischer Organisation im 18. Jahrhundert (Historische Forschungen). Berlin, 1996; *Jahr C.* Gewöhnliche Soldaten. Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918. Gottingen, 1998; *Brümmer-Pauly K.* Desertion im Recht des Nationalsozialismus. Berlin, 2006.

¹¹ *Bröckling U., Sikora M.* Armeen und ihre Deserteure. Göttingen, 1998. S. 7–8.

¹² *К.-К.* Побег со службы // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. 46 (1898). С. 950.

¹³ *Тард Г.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004. С. 182.

и 0,88 соответственно¹⁴. Большинство дезертиров в XVIII–XIX вв. представляли окраинные народы Российской империи, и количество бежавших даже не приближалось к масштабам бегства из армии и уклонения от призывов в Первой мировой и Гражданской войнах¹⁵. Военный теоретик, «русский Клаузевиц», А. А. Свечин писал: «Армии XVIII века, небольшие по размерам, хрупкие, склонные к массовому дезертирству, были не способны преследовать крупные цели войны; в целях борьбы с дезертирством приходилось располагать войска только биваком в поле и довольствоваться исключительно подвозом с тыла; зимние кампании были почти исключены»¹⁶.

Проблема массового дезертирства в Красной армии была в большой степени «унаследована» от царской армии, армии революционного 1917 г. Показательно, что документы, приложенные к «Руководству к декретам и постановлениям о дезертирах и дезертирстве», изданному в Петрограде в 1919 г., открываются извлечениями из «Военного устава о наказаниях» русской армии 1916 г.¹⁷ Уже в этом факте видна преемственность борьбы с дезертирством («оставлением службы»), ставшим начиная с 1915 г. настоящим бедствием¹⁸. 4 августа 1915 г. на секретном заседании Совета министров по вопросу о привлечении в ряды действующих войск «ратников ополчения II разряда» было оглашено заявление министра внутренних дел Н. Б. Щербадова: «Полиция не в силах справиться с массой уклоняющихся; люди прячутся по лесам и в несжатом хлебе». В докладной записке Николаю II (ноябрь 1916 г.) значилось, что из общего числа запаса нужно вычесть «два миллиона людей, состоявших из оставшихся в занятых неприятелем областях, эмигрантов и незаконно уклонившихся от несения военной службы»¹⁹. В среднем каждую неделю по Петроградскому военному округу в конце 1915 г. задерживалось по 211 дезертиров, а к исходу 1916 г. — уже по 1479 дезертиров²⁰.

¹⁴ К. — К. Указ. соч. С. 950.

¹⁵ См., напр.: *Латин В. В.* Дезертиры в Кавказской войне XVIII–XIX вв. // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв. Тамбов, 2007.

¹⁶ *Свечин А. А.* Указ. соч. С. 54.

¹⁷ Руководство к декретам и постановлениям о дезертирах и дезертирстве. Пг., 1919.

¹⁸ О дезертирстве в годы Первой мировой войны подробнее см.: *Оськин М. В.* Неизвестные трагедии Первой мировой: Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011.

¹⁹ Цит. по: *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 234.

²⁰ *Валяев Я. В.* Трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (1914 — февр. 1917 г.) // Исторические,

Недовольство войной вылилось в широкое укрывательство беглецов из армии. В отчете нижегородского губернатора были отмечены случаи, когда односельчане силой отбивали от полиции задержанных дезертиров²¹. В январе 1917 г. военный атташе Великобритании А. Нокс информировал о миллионе дезертиров русской армии: «Эти люди живут в своих деревнях, власти их не беспокоят, их скрывают сельские общины, которым нужен их труд»²².

1917 г. дал бурное развитие дезертирству, несмотря на меры по его сдерживанию (как агитационные, так и репрессивные), хотя те не были планомерными и последовательными и не находили должного отклика в солдатских массах²³. Февральская революция и последовавшая за ней «демократизация» армии привели к тому, что за первую половину марта из запасных частей Западного фронта самовольно ушли 3 тыс. солдат. Только в армиях Северного и Западного фронтов за 1–7 апреля количество дезертиров составило 7688²⁴. Хлынув в тыл, они мгновенно стали одной из характерных черт эпохи. Возможность передвижения по стране людей и грузов была крайне затруднена, так как, по выражению А. И. Деникина, «дороги попали во власть к дезертирам»²⁵. В Петрограде, по воспоминаниям дочери британского посла Д. Бьюкенена, «сотни солдат, дезертировавших с фронта, грязных и оборванных, наводняли улицы, праздно толкались на перекрестках, слушая речи агитаторов и экстремистов, или бесцельно катались на трамваях, набиваясь на крыши вагонов и гроздьями свисая с подножек»²⁶.

И вот уже новая власть была вынуждена ужесточать наказания за дезертирство. Борьба с дезертирством в 1917 г., когда сам термин

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4. Ч. 3. С. 30.

²¹ Кабытов П. С. Антивоенные настроения российских крестьян // Россия в XX в.: Реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 525.

²² Цит. по: Галин В. В. Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 16.

²³ См., напр.: Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии) / авт.-сост. С. Н. Базанов. М., 2010. С. 13, 43, 80.

²⁴ Ямщиков С. В. Армейский фактор революций 1917 года в России // Россия в XX в.: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 326; Антивоенные выступления на русском фронте ... С. 42.

²⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февр. — сент. 1917. Минск, 2002. С. 144.

²⁶ Цит. по: Алексеева И. Мириэль Бьюкенен: Свидетельница великих потрясений. СПб., 1998. С. 175.

«дисциплина» представлялся чем-то старорежимно-враждебным, имела свою специфику. Тогда, по меткому замечанию современного юриста О. В. Григорьева, «намного проще было осудить старшего офицера за грубость, нежели применить законные санкции к солдату-дезертиру»²⁷. Что делать Временному правительству, выступающему за продолжение войны, но пришедшему к власти в результате событий, застрельщиками которых были в том числе дезертиры и не желавшие отправляться на фронт мобилизованные? Оно логично начало с воззвания к населению, в котором сообщалось, что все находящиеся «в побегих и самовольных отлучках» солдаты и матросы, добровольно явившиеся в войска до 15 мая, будут освобождены от наказания²⁸. Эта попытка амнистии провалилась, голос правительства услышан не был.

Постановлением Временного правительства от 26 мая 1917 г. для дезертиров были введены каторжные работы. Еще 9 марта в предписании генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего А. С. Лукомского начальникам штабов фронтов о принятии мер по борьбе с дезертирством сообщалось, что вследствие значительного роста данного явления генерал М. В. Алексеев предлагал принять все меры к задержанию дезертиров и возвращению их в части путем устройства облав и караулов в узловых пунктах. Кроме казачьих частей необходимо было по возможности привлекать полицейские команды и конных разведчиков. Заняв пост Верховного главнокомандующего, генерал Алексеев в письме к военному министру А. И. Гучкову от 16 апреля 1917 г. требовал санкцию на применение ряда мер в отношении дезертиров, а именно: «лишение семей дезертиров прав на паек, лишение права выбора в Учредительное собрание, лишение права на какое-либо земельное улучшение в будущем, и т. д.»²⁹. Степень жесткости и решительности этих мер, а также их эффективности была весьма мала.

С начала июля на Юго-Западном и Румынском фронтах «стали эпизодически практиковаться» расстрелы дезертиров³⁰. Разложение

²⁷ Григорьев О. В. Военно-судебная система России в период Временного правительства // Военно-юридический журнал. 2012. № 7. С. 20.

²⁸ Журналы заседаний Временного правительства: в 4 т. М., 2001–2004. Т. 1 (2001). С. 227.

²⁹ Антивоенные выступления на русском фронте ... С. 13, 43.

³⁰ Булдаков В. П. Красная смута. М., 1997. С. 129.

армии, провал июньского наступления и энергичные требования генерала Л. Г. Корнилова вынудили Временное правительство 12 июля «восстановить смертную казнь на время войны для военнослужащих за некоторые тягчайшие преступления». Как отметил исследователь И. С. Ратьковский, этот шаг был не только попыткой восстановления боеспособности, но и легализацией уже существовавшей практики самочинных расстрелов в армии³¹. Для борьбы с дезертирами и мародерами на Юго-Западном фронте начали создаваться ударные батальоны. В октябре, когда армия была уже безнадежно поражена эпидемией дезертирства, А. Ф. Керенский предлагал создать отдельную группировку до 150 тыс. человек для борьбы с дезертирами и погромщиками в тылу.

Агитационную и просветительскую работу в солдатской среде пытались вести армейские общественные организации (советы, комитеты). В протоколе заседания войскового комитета 653-го пехотного Перемышльского полка (8-я армия, Юго-Западный фронт) о борьбе с дезертирством от 30 апреля предлагались следующие меры: введение денежных штрафов или иной ответственности за укрывательство дезертиров, организация летучих отрядов для поимки беглецов, «предание суду дезертиров, добровольно не явившихся к определенному сроку, и лишение их политических прав», разъяснение через беседы солдатам всей позорности этого преступления. Кроме того, отмечалось, что дезертиры «как изменники Родины и свободы не будут иметь права пользоваться всеми благами свободной России»³².

Партия большевиков проводила в этом вопросе собственную линию. Весьма типичный случай произошел в Киеве. На заседании Исполкома объединенных общественных организаций, Совета рабочих депутатов и депутатов войск Киевского гарнизона по вопросу о прошедшей в городе 15 мая облаве на дезертиров Исполкомом была предложена резолюция о необходимости борьбы с дезертирством, которое дезорганизует армию и тыл. Фракция большевиков же заявила о несогласии с внесенной резолюцией и предложила свою — о скорейшем окончании войны и о недопустимости поддержки Временного

³¹ Ратьковский И. С. Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1(15). С. 51.

³² Антивоенные выступления на русском фронте ... С. 80.

правительства. После того как председатель-меньшевик заявил, что такое предложение могли вынести только сами дезертиры, большевики покинули собрание³³.

Массовое дезертирство 1917 г. в большевистской пропаганде, а потом и в советской историографии неоднократно трактовалось как симптом тяжелой болезни государства, как прогрессивное и революционное (пусть и в большинстве своем стихийно-бессознательное) действие. Дезертиры не только хлынули в родные деревни самочинно занимать землю, но и сыграли заметную роль в политических событиях 1917 г. Они, в частности, усилили напряжение в Петроградском гарнизоне в июне и начале июля, когда дезертиры-агитаторы с фронта несли в запасные части, которым грозила отправка на театр военных действий, политические лозунги вручения всей власти Советам и немедленного мира. Настроения в деревне царили вполне определенные: «...скотину безо всяких пускайте по помещиков земли и пашите земли... берите в руки сейчас, и мы здесь не бросим оружие... и домой придем с винтовками»³⁴. Именно дезертиры стали «предвестниками большевизма» в деревне, их возвращение подлило масла в огонь усиливающихся беспорядков³⁵. Целый «дайджест» с мест о влиянии дезертиров на революционную обстановку привел в «Истории русской революции» Л. Д. Троцкий³⁶. Началась настоящая борьба за солдата между «пораженцами» и сторонниками «войны до победного конца». В стихотворении того времени крах армии описывался следующими словами:

Подлинно настала не житье — малина,
Нонеча солдат
Позабыл, что значит слово дисциплина
Да и вспомнит вряд ль...³⁷

Исследователь О. С. Поршнева напрямую связала расцвет массового дезертирства с проявлением усталости от войны. До Февральской революции дезертировали 201 381 человек, а к 1 сентября 1917 г.

³³ Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий: в 4 т. М., 1957–1961. Т. 2 (1959). С. 102.

³⁴ Солдатские письма 1917 г. М.; Л., 1927. С. 13.

³⁵ Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Ст. Куртува, Н. Верг, Ж.-Л. Панне [и др.]. М., 2001. С. 72.

³⁶ Троцкий Л. Д. История русской революции: в 2 т. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 20–21.

³⁷ Л. Ш. Дезертир. Б. м., 1917. С. 10.

таковых было уже 1865 тыс.³⁸ По подсчетам В. В. Галина, с февраля по ноябрь 1917 г. ежемесячно бежали порядка 200 тыс., не считая случаев отказов солдат исполнять приказы, идти в бой³⁹. Русский военачальник Н. Н. Головин по личному опыту считал необходимым предварять вопрос о численности дезертировавших констатацией крайне неудовлетворительной постановки дела военной статистики⁴⁰ (в Красной армии оно также не будет налажено, см. об этом ниже).

Интересно отметить появление учреждений, называемых «комиссиями для борьбы с дезертирством», еще в середине 1917 г., правда, серьезного следа своей деятельности они не оставили. В коллекции листовок Российской национальной библиотеки хранится документ, датированный 30 июля 1917 г., возвещающий о начале работы такой комиссии в Твери в соответствии с приказом по Московскому военному округу № 852. За членами комиссии закреплялось «исключительное» право проверки документов по отношению к воинской обязанности⁴¹.

В такой огромной и сложной стране, как Россия, массовая мобилизация населения всегда была «своего рода экзаменом сразу по многим предметам, которые предстояло сдавать и правительству, и администрации, и населению»⁴². Трудность и непредсказуемость подобного испытания многократно увеличилась в годы революции и небывалой по масштабам войны.

Вопрос личностной, психологической составляющей дезертирства в исследуемый период сопряжен с рядом связанных между собой моментов. Во-первых, любая война изменяет выработанные в обычной жизни модели поведения, предъявляет повышенные требования к психическому здоровью человека. «Труды и лишения, которые несет боец в обстановке войны, вызывают естественное желание обезопасить себя», — определяющим в данном тезисе Р. А. Муклевича является эпитет «естественное», то есть природное, понятное, само собой

³⁸ *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 260.

³⁹ *Галин В. В.* Интервенция и Гражданская война. С. 16.

⁴⁰ *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. С. 233.

⁴¹ От Комиссии по борьбе с дезертирством. Тверь, 1917. 30 июля.

⁴² *Посадский А. В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 г. (на материалах Саратовской губ.). Саратов, 2002. С. 10.

разумеющееся желание, основанное на инстинкте самосохранения⁴³. Военная служба вообще и тем более боевые действия неизбежно сопровождаются огромными психическими нагрузками. По словам выдающегося психиатра, физиолога В. М. Бехтерева, «каждая война приводит к значительному количеству душевных заболеваний»⁴⁴. Во-вторых, войне *гражданской* не присущи такие понятия и ценности, как патриотизм, Отечество, вера, в их подлинном, неискаженном смысле. Исследователь Е. С. Сенявская уверена, что «ключевым для морально-психологического состояния войск в условиях войны является формирование определенных ценностных установок (любовь к Отечеству, патриотические чувства, воспитываемые еще в мирное время), представлений о справедливом характере и целях войны, убеждений в правоте и силе своей армии»⁴⁵. Налицо неприменимость или извращение указанных понятий в условиях Гражданской войны в России. Зачастую на первый план выходил набор ценностных ориентиров, которые большевистская пропаганда объединяла термином «шкурничество». И наконец, претворение советской властью многовековой российской государственности и, соответственно, «священного права» использования жизни своих подданных («граждан») было весьма спорно, а кроме того, бегство из армейских рядов являлось испытанным способом сопротивления правящему режиму. По мнению У. Бреклинга и М. Сикоры, огромное значение имеет именно восприятие солдатами (народом) легитимности власти, отправляющей их на войну, их «субъективная готовность к эксплуатации себя»⁴⁶. Как в дореволюционной, так и в советской традиции взгляды народа на власть, отношение к ней определялись взглядами на стратегию и тактику витализма — выживания конкретной личности и его близких в условиях, когда «в жерновах „государственной необходимости“ перемалывались целые социальные группы»⁴⁷.

⁴³ Муклевич Р. Политработа в боевой обстановке. М., 1926. С. 96.

⁴⁴ Цит. по: Военная психиатрия / под ред. С. В. Литвинцева, В. И. Шамрея. СПб, 2001. С. 231.

⁴⁵ Сенявская Е. С. Советский солдат в годы Великой Отечественной войны: историко-психологический портрет // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 7, № 2, 2005. С. 267; Долгова А. В. Тема дезертирства в Гражданской войне в отечественной и зарубежной историографии в первые годы советской власти // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 12. С. 43.

⁴⁶ Bröckling U., Sikora M. Op. cit. S. 10.

⁴⁷ Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 54.

Главным стимулом, который использовался советской пропагандой, которым обосновывалась война, был вовсе не «счастье будущих поколений» или раздувание «мирового пожара» во имя свободы трудящихся всех стран, а вполне «низменные» мотивы: придут белогвардейцы, отберут землю, закрепостят крестьян. Близость «призрака старого мира» подтверждалась фактами или слухами из жизни на территориях, временно занятых белыми. «Рабочие знают, что пощады им не будет, что десятки тысяч их вместе с женами и детьми будут расстреляны и вырезаны озверелыми бандами при занятии города», — гласила петроградская листовка мая 1919 г.⁴⁸ В «Сказке о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника» В. В. Маяковский стращал обывателя следующей картиной реставрации строя:

...а жена его
на дворе
у господ
грудью
кормит
барскую суку.

Мотивации красноармейца поддерживались старыми как мир чувствами. Один из основателей советской военной психологии П. И. Измestьев особо отмечал силу ненависти к врагу, «угрожающему родным очагам, чувство любви к отечеству, чувство долга... С другой стороны, его может двигать вперед привычка к повинности начальникам, т. е. дисциплина, желание отличиться перед товарищами своей отвагой и мужеством, опасение прослыть трусом или же боязнь наказания при проявлении трусости, наконец, пример начальника»⁴⁹. Каждая война по-разному отвечает на вопрос о мотивации воинов, о необходимости для них поступать «как должно». Современный российский социолог В. В. Серебрянников выделил следующие основные типы военнослужащих: «по призванию», «по долгу», «по обязанности», «профессионально работающие на обеспечение армии и войны», «пацифисты», «антивоенный человек» и др. Подавляющее большинство состава современных армий от-

⁴⁸ Петроградские листовки Гражданской войны 1918–1920 гг. Л., 1944. С. 34.

⁴⁹ Измestьев П. И. Очерки по военной психологии: Некоторые основы тактики и военного воспитания. Пг., 1923. С. 45.

несено им к «воинам по обязанности»⁵⁰. Можно с поправкой перенести характеристики данного типа на рассматриваемый период. Учитывая глубочайший общественный и личный психологический кризис того времени, точнее будет именовать данный тип «воины вынужденные». Исследователь С. А. Павлюченков привел любопытную характеристику состава Красной армии из рапорта офицера-колчаковца: «Красная армия делится на три группы: коммунисты, большевики и мобилизованные... Мобилизованные — грубая животная сила, взятая палкой. Из этой группы масса перебежчиков и сдающихся в плен. Они ободраны и босы, редко в лаптях»⁵¹.

Для того чтобы власть могла требовать от народа поведения с учетом правовых и моральных норм, нужны собственно нормы. Если для той или иной ситуации сложившейся и признанной нормы нет, то индивид вынужден действовать по своему разумению, на основании личной оценки сложившейся обстановки, а также целей и потребностей себя и своих близких. Феномен массового дезертирства в Красной армии можно рассматривать как одну из сторон деформирования как общества, так и личности в годы «всероссийского потопа» 1917–1922 гг., как попытку устроиться в новой, постоянно меняющейся среде.

В свете этого перспективным представляется применение к данной теме социологической теории аномии. Понятие аномии («беззаконие», «отсутствие норм») было введено в область психологии и социологии Э. Дюркгеймом. Под данным термином он понимал такое кризисное состояние общества, человека, причинами которого являются крушение традиционных социальных институтов и норм, притом что идущие им на смену еще не успели сложиться и закрепиться. Как следствие, механизмы сдерживания (община, полиция, власть, церковь) перестают оказывать тормозящее влияние, и амбиции немалой части общества выходят за «традиционные» рамки. Американский социолог Р. Мертон связывал аномию с объективным расхождением между декларируемыми в обществе ценностями, официальными стандартами поведения и реальными возможностями и целями человека, с конфликтом между предписаниями «сверху» и поведением, которое определяется

⁵⁰ *Серебрянников В. В.* Социология войны. М., 1997. С. 266–268.

⁵¹ Цит. по: *Павлюченков С. А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996. С. 104–105.

на обыденном уровне «картиной за окном». Оба воззрения могут представлять ценные методологические подходы, с помощью которых можно рассматривать дезертирство как не просто девиантное поведение, но чрезвычайно широкое явление, возникшее при разрыве с прежней системой ценностей и слома не только старого государственного аппарата, но и относительно стабильного и безопасного уклада жизни. Тем не менее необходимо помнить, что уже с 1915 г. бегство из армии и уклонение от призывов достигало впечатляющих размеров. «Духовно-нравственный распад общества в годы Первой Мировой войны, — по замечанию С. В. Ямщикова, — привел к кризису государственности, в том числе ее главного института — армии»⁵². Тектонические изменения в русском обществе 2-й половины XIX — начала XX в. проявились в том числе в массовом дезертирстве. Историк В. П. Булдаков связал вопрос понимания природы солдатского бунтарства с «осмыслением психологии превращения „человека земли“ в „человека с ружьем“ (то есть в вооруженного маргинала)»⁵³.

В каждую эпоху в отношениях государства и человека преобладает одна из двух «архетипических социокультурных моделей коммуникации» — «договор» или «вручение себя во власть другого»⁵⁴. Крестьянское чувство безысходности и зависимости от высших сил нашли свое отражение в строках Ф. А. Степуна: «Солдатская вера как была, так и будет все той же: царь приказал, Бог попустил, деваться некуда, а впрочем, на миру и смерть красна...»⁵⁵ Абсолютное большинство солдат-красноармейцев — крестьяне, и их менталитет был соответствующим. Исследователь А. В. Посадский выделял в крестьянских настроениях Первой мировой войны мотив долженствования («потому что „надо“»), соответственно, они ждали от правительства исполнения своей части «договора», главным образом — в отношении семей мобилизованных⁵⁶. В исследовании о Первой мировой войне М. В. Оськин сделал важный обобщающий вывод, отчасти примени-

⁵² Ямщиков С. В. Армейский фактор революций 1917 года в России // Россия в XX в. Т. 1. С. 325.

⁵³ Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55.

⁵⁴ Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992–1993. Т. 3. С. 145.

⁵⁵ Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Нью-Йорк, 1956. С. 349.

⁵⁶ Посадский А. В. Всеобщая мобилизация русской армии в 1914 г. и крестьянство (по материалам Саратовской губернии) // Россия в XX в. Т. 1. С. 540.

мый и к Гражданской войне: «Дезертирство, за исключением принципиального протеста против войны в силу личных убеждений, есть явление именно крестьянское, так как крестьянин почитает войну не просто за ненормальное состояние человеческого социума, но за такое его состояние, которое выбивает человека из его многовековой включенности в природу как органичной части. Неудивительно, что дезертирство было мало распространено в государствах с высокой урбанизацией»⁵⁷. Последний тезис можно принять с рядом оговорок.

Война для крестьян принимала обличие Божьего наказания за грехи, служба носила характер религиозного ритуала. Быть призванным или избежать службы — вопрос фатального характера. В частушке начала XX в. пелось: «...с судьбой хорошей зародился, и в солдаты не попал»⁵⁸. Представления о государстве-левиафане, присваивающем себе жизни подданных, не могли вызвать резко отрицательного отношения к дезертирам. Революционные потрясения, ослабление государственных институтов, крах старой «армии-каторги» и принудительные мобилизации сторон-участниц Гражданской войны в России подняли дезертирский вопрос во всей сложности на небывалую высоту.

Сколь «социологически» или «психологически» мы ни подходили бы к проблеме, нужно помнить, что дезертиры — «...продукты военной системы. Без армий не было бы дезертирства», и нельзя рассматривать их в отрыве от истории вооруженных сил⁵⁹. При таком взгляде очевидно, что каждая армия производит собственных, «оригинальных» дезертиров, и сквозь призму дезертирства можно анализировать характерные особенности конкретной армии, в данном случае Красной армии периода Гражданской войны⁶⁰.

В 1914–1916 гг. «психологическая мотивация дезертирства была неоднозначной, не носила ни явно антивоенного или пацифистского характера, ни признаков откровенной трусости»⁶¹. Но по мере нарастания протестного движения в тылу, ухудшения ситуации на фронте, падения авторитета царя (а через него и сакральности власти) проявился принцип, прилагаемый и к Красной армии периода Гражданской вой-

⁵⁷ *Оськин М. В.* Неизвестные трагедии ... С. 269.

⁵⁸ Цит. по: *Кормина Ж. В.* Проводы в армию в пореформенной России: Опыт этнографического анализа. М., 2005. С. 224.

⁵⁹ *Bröckling U., Sikora M.* Op. cit. S. 8.

⁶⁰ *Ibidem.* S. 9.

⁶¹ *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение ... С. 260.

ны: «Хуже, чем на позиции, не будет, а когда вернемся — простят»⁶². В сводках ЧК за 1920 г. отмечалось, что в дезертирской среде отсутствует политическая мотивация не служить советской власти, а преобладает мнение не служить вообще никому⁶³.

Какими бы вескими причинами (а их, применительно к нашей теме, могло быть огромное количество) ни был вызван акт дезертирства, он во все времена в широком мнении считался предательским и подлым деянием. Исходя из этого, понятны многочисленные попытки самооправдания дезертиров, поиск компромисса с собственной совестью. Н. Х. Реден (Вреден), говоря о распаде русской армии осенью 1917 г., писал: «Дезертиры, оставлявшие фронт, боялись общественного осуждения, пока большевики не ободрили их объединяющим кличем: „Мир — хижинам, война — дворцам!“». Подобные лозунги освободили дезертиров от чувства вины, они уже являлись домой не как побитые собаки, а напротив, как борцы за справедливое дело, готовые сражаться на внутреннем фронте»⁶⁴.

Антивоенные настроения крестьян нельзя считать проявлением их антипатриотичности, или антигосударственности, или даже антисоветизма. По словам В. В. Кондрашина, «они определялись вполне рациональными, здравыми соображениями, диктовались логикой жизни в условиях „военного коммунизма“»⁶⁵. Представления о патриотизме как о необходимости с оружием в руках защищать лишь свою волость или губернию, до которой, учитывая масштабы страны, от фронта было еще далеко, очень крепко сидели в крестьянских головах и до революции, что неоднократно фиксировалось исследователями Первой мировой войны. Современный историк М. В. Оськин назвал дезертирство в 1917 г. специфическим социокультурным явлением, напрямую отражающим внутриполитические процессы, показателем полного крушения государственности и его атрибутов⁶⁶. Летом 1917 г. Л. Д. Троцкий писал, что массовое дезертирство пере-

⁶² Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение ... С. 239.

⁶³ Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М., 2010. С. 167.

⁶⁴ Реден Н. Сквозь ад русской революции: Воспоминания гардемарина. 1914–1919. М., 2006. С. 110.

⁶⁵ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 194–195.

⁶⁶ Оськин М. В. Указ. соч. С. 324–325.

стало быть простым результатом «порочной индивидуальной воли», а стало выражением полной неспособности, нерешительности правительства⁶⁷.

Интересно рассмотреть период 1914–1922 гг. с учетом как внутренней готовности призывника идти в армию, так и готовности социальных групп (семья, община, рабочий коллектив, учреждение) отдавать «своих» на военную службу. Мировая война унесла два с четвертью миллиона жизней, не считая пленных и калек. Общественные силы были надломлены, страна нуждалась в передышке. Именно в этот момент «мировая бойня» переходила в бойню гражданскую. Самоустранение от нее было логичным принципом поведения множества людей. Индивидуальное желание дезертировать сочеталось с готовностью различных групп укрыть их. Эта поддержка санкционировала преступление. Представления о люфте между законом (государственной позицией) и справедливостью (народной правдой) играли на руку дезертирам.

Радикальный перелом в 1917 г. произошел не только в государстве, но и в умах. Если мобилизации Первой мировой войны, особенно 1914 г., были во многом обусловлены инерцией прошлых призывов, исторической памятью народа, то после Февраля умы отравляло сладкое слово «свобода». Казалось, что все проблемы позади и параллельно весне 1917 г. на русской земле наступал рай. То, что лишь немногие адекватно оценивали ситуацию, возможные последствия произошедшего, только усиливало восторг толп, который стремительно заражал менее подверженных эмоциям обывателей. Зачем лить кровь? Зачем и за что воевать, когда достигнута, завоевана в Петрограде Свобода. Октябрь дополнил эту жажду жить конкретной материальной ценностью огромного морального значения: *землей*. Война окончательно потеряла свое значение, дальнейшее пребывание на фронте грозило лишь одним: дома землю поделят без нас. Началось повальное «голосование ногами»⁶⁸. И вскоре вся страна предстала как Совет «солдатских дезертиров и безработных рабочих»⁶⁹ ...

⁶⁷ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. С. 369.

⁶⁸ Подробнее см.: Городецкий Е. Н. Демобилизация русской армии в 1917–1918 гг. // История СССР. 1958. № 1; Базанов С. Н. Демобилизация русской армии // ВИЖ. 1998. № 2.

⁶⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. СПб., 2008. С. 56.

Крушение старой армии, а с ней и понятия о дисциплине, хозяйственная разруха не располагали к тому, чтобы армия крестьян и рабочих смогла избежать такой вневременной болезни, как дезертирство. Масштабные боевые действия, чрезвычайные мобилизационные меры большевистской власти делали каждого, по выражению лидера эсеров В. М. Чернова, «военнообязанным крепостным воюющего государства», которое неотступно и последовательно требовало себе «...всего человека — всего без остатка...»⁷⁰. Ф. И. Дан в своих воспоминаниях вложил в уста собеседника-конвоира мрачную шутку о трехмиллионной Красной армии: «миллион бежит, миллион сидит, миллион ловит и водит»⁷¹. М. М. Пришвин описал окружающую его жизнь начала 1920 г. как «большой пасьянс» и «раскладывал» его так: «мужики, бабы, спекулянты, евреи, дезертиры, эмигранты, — и когда все сложится — неизвестно». «Три социальных элемента революции», выделенных писателем, — это эмигранты, дезертиры и уголовники⁷².

Р. А. Муклевич назвал дезертирство в рассматриваемый период «бытовым явлением»⁷³. Его массовость, «повседневность» рождали ощущение безнаказанности. «Солдата тянет к себе [домой]... Солдат знает, что таких ходоков сотни — всех не перестреляешь. И ходит солдат в деревню, несмотря ни на какие строгости. Пока сообщат волостному комиссару о бегстве красноармейца, он часто уже давно в казарме», — писал И. Т. Смилга⁷⁴. По его же выражению, в 1917–1918 гг. «русский крестьянин отступал в деревню с намерением никогда больше не воевать»⁷⁵. В телеграмме от 2 марта 1918 г. отступающие солдатские массы характеризовались как «морально испорченные» четырехлетней бойней⁷⁶. Как выразился Л. Д. Троцкий на одной из лекций в Москве в начале 1919 г., «Ненависть к войне и военщине к началу нашей революции отравила всех рабочих и крестьян»⁷⁷. Трудности организации армии в тот момент адекватно

⁷⁰ Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 12.

⁷¹ Дан Ф. И. Два года скитаний. М., 2006. С. 66.

⁷² Пришвин М. М. Дневники. С. 9, 14.

⁷³ Муклевич Р. Политработа в боевой обстановке. С. 96.

⁷⁴ Смилга И. Строительство армии. М., 1920. С. 16–17.

⁷⁵ Там же. С. 3.

⁷⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 5275. Оп. 7. Д. 1. Л. 3.

⁷⁷ Звезда. 1919. 7 марта.

воспринимались В. И. Лениным, он понимал всю сложность работы в стране, «где народ сам смял войну и сам разбил старую армию...»⁷⁸. В апреле 1919 г. он видел в заоблачных цифрах дезертировавших своеобразный критерий — «признаки усталости масс»⁷⁹. О том же, полемизируя с «белогвардейским» взглядом на дезертирство как на активное сопротивление советской власти, писал К. В. Скерский. Он определил его как «естественную реакцию до последней степени переутомленного и надломленного тяготами войны коллективного организма армии»⁸⁰.

Любопытно, что в «соображениях о призыве 20-летних в Рабоче-крестьянскую Красную армию», приложенных к протоколу заседания РВСР, армия рассматривалась как наследие армии старой, покалеченной войной физически и, что, пожалуй, главное, психически. Для формирования действительно новых вооруженных сил и предлагалось создавать из призывников «молодых годов» отдельные соединения без примеси «человеческого материала», отравленного «ферментом разложения» царской службы⁸¹. Отвращение к войне у них было еще не выработано, что позволяло при грамотной политической работе установить твердую дисциплину и бодрый революционный дух, избежав тем самым массового дезертирства. На практике массовое уклонение и собственно дезертирство призывников, например 1900–1901 годов рождения, процветало. Среди причин фактического провала мобилизации и дезертирства из частей красноармейцев 1901 г. р. председатель Псковской губернской комдезертир И. С. Шпынев отмечал следующие: «исключительная малосознательность и недисциплинированность деревенского парня, нигде не бывавшего дальше родной деревни». По его словам, воспитанием и работой с ними никто не занимался, а ведь если, минуя запасные части, «...новобранец сразу же попадет в растлевающую среду общей армейской массы — из него никогда не будет солдата»⁸².

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 37 (1969). С. 75.

⁷⁹ Там же. Т. 50 (1970). С. 295–296.

⁸⁰ Скерский К. В. Красная армия в освещении современников белых и иностранцев. 1918–1924. М.; Л., 1926. С. 109.

⁸¹ Цит. по: Тархова Н. С. Красная Армия — связующее звено между крестьянством и властью // Крестьяне и власть: материалы конференции. М.; Тамбов, 1994. С. 109.

⁸² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 626. Л. 34–34 об.

* * *

Историография проблемы дезертирства в Гражданской войне достаточно бедна. Она складывалась преимущественно в 20-е гг. XX в. непосредственными участниками этой войны, а также в постсоветский период, после открытия доступа к архивным документам. Краткий обзор отечественной и эмигрантской историографии на первом этапе исследования вопроса (20-е гг.) дан в работе А. В. Долговой⁸³. Из написанного еще в ходе Гражданской войны отметим небольшие работы начальника штаба Западного фронта М. Баторского и А. Козакова (Казакова), во многом рассматривающие бандитизм как «демобилизационное явление... вызванное дезертирством»⁸⁴.

Первым и единственным на настоящий момент объемным трудом, непосредственно посвященным теме массового дезертирства в Гражданской войне (точнее, борьбы с ним), стала работа С. П. Оликова «Дезертирство в Красной армии и борьба с ним», вышедшая в 1926 г.⁸⁵ Сам автор не понаслышке был знаком с данной проблемой, так как с 1919 г. являлся членом Украинской центральной комиссии по борьбе с дезертирством и Орловской окружной комдезертир. С. П. Оликов честно писал о недостатках и просчетах не только в деятельности конкретных комиссий, но и в стратегических подходах к проблеме, показал эволюцию борьбы с дезертирством. Особо он останавливался на взаимоотношениях с сельским населением, где и засел «многомиллионный дезертир». Главной задачей комиссий он считал пополнение армии, а не трату времени на одиночных злостных дезертиров. Автор — ярый сторонник политики «кампаний» — системы совокупных и последовательных действий, включавших в себя подготовительную работу среди местных жителей, «репрессивно-агитационный» этап, последующую явку добровольцев и закрепление успехов этой явки. Основные корни проблемы С. П. Оликов видел в социально-экономических неурядицах и в «болезни роста» — колоссальном увеличении

⁸³ Долгова А. В. Тема дезертирства в Гражданской войне в отечественной и зарубежной историографии в первые годы советской власти // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 12.

⁸⁴ Баторский М. Бандитизм и борьба с ним. Б. м., 1921; Козаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9.

⁸⁵ Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. Л., 1926.

численности Красной армии⁸⁶. Издание завершается документальным блоком, включающим декреты и инструкции по борьбе с дезертирством.

Н. Н. Мовчин в одной из глав работы «Комплектование Красной армии» вел обстоятельный разговор о дезертирстве⁸⁷. Он также опирался в первую очередь на личный опыт. Автор поставил своей целью «проследить эволюцию способов комплектования Красной армии»⁸⁸. Соответственно, на явление дезертирства Н. Н. Мовчин смотрел двояко: с одной стороны, это ослабляющее армию и развращающее тыл явление, а с другой — важнейший (с лета 1919 г.) источник пополнения армии, в отличие от мобилизаций, которые набором некачественного элемента и всевозрастающего числа уклонистов себя дискредитировали и исчерпали. Данный автор, как и С. П. Оликов, сосредоточился на крестьянском характере массового дезертирства и свел проблему к взаимоотношению советской власти и середняка. Работа содержит многочисленный статистический материал, по ряду позиций более точный, чем у С. П. Оликова.

Р. М. Муклевич в труде «Политработа в боевой обстановке»⁸⁹ не малое место отвел явлению массового дезертирства в годы Гражданской войны и мерам по борьбе с ним. Главным образом автор говорил об агитации как о «первом и основном» методе. В данной работе совершенно не упомянуты комиссии по борьбе с дезертирством и лишь однажды сказано про абстрактные «органы, ведающие борьбой с дезертирством». Р. М. Муклевич систематизировал типы дезертирства, подробно рассмотрел проблему т. наз. самострела. Интерес представляет работа К. В. Скерского «Красная армия в освещении современников белых и иностранцев»⁹⁰, в которой он рассмотрел периодические издания Гражданской войны, сводки и донесения противников большевиков, воспоминания белогвардейцев в том числе, по интересующей нас теме. Работа написана в жанре полемики.

⁸⁶ Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. С. 11.

⁸⁷ Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии. М., 1926. Подробнее о данной работе и ее авторе см.: Шишов Г. М. Особенности комплектования РККА. 1918–1922 гг. (По страницам редких изданий) // ВИЖ. 2007. № 8. С. 33–34.

⁸⁸ Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии. С. 3.

⁸⁹ Муклевич Р. Указ. соч.

⁹⁰ Скерский К. В. Красная армия в освещении современников белых и иностранцев. 1918–1924. М.; Л., 1926.

Вопросу дезертирства уделил внимание в своих статьях и С. И. Гусев⁹¹. Он отнес восстания, вызванные объявлением новых мобилизаций, к явлениям исключительным, имевшим место лишь в «кулацких районах». С. И. Гусев подчеркивал большой урон, который дезертирство наносило армиям и тылам всех воюющих сторон. В русле борьбы с повстанческими и бандитскими элементами интересующая нас тема представлена в исследовании А. Буйского⁹².

Важнейшей работой 20-х гг., непосредственно посвященной истории Гражданской войны на Северо-Западе, в которой широко использованы архивные источники, является профессиональный труд Н. А. Корнатовского «Борьба за Красный Петроград»⁹³. Это крупнейшее и наиболее обстоятельное исследование по обороне Петрограда в 1919 г. честно и прямо повествует о проблемах красных войск, вскрывает причины поражений. Здесь же мы находим факты и размышления о состоянии дисциплины, о дезертирстве. Этот вопрос автор раскрывал в основном на материалах Псковской губернии. Книга ценна и количественными данными по борьбе с дезертирством. Вопросы дезертирства красноармейцев на Северо-Западе рассматривались также Я. Ф. Барминой и М. Я. Курзиниером⁹⁴, А. А. Геронимусом⁹⁵, Г. С. Пуховым⁹⁶.

Характеристика следующего историографического этапа, его отличие от периода 20-х — начала 30-х гг. содержатся в статье Ю. А. Ильина: «Вопрос о военно-мобилизационной политике властей в деревне и реакции крестьянства на принудительные призывы в ряды РККА был трансформирован в летопись боевых побед Красной Армии над белогвардейцами и интервентами»⁹⁷. Острая тема массового дезертирства

⁹¹ Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия: Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.; Л., 1925.

⁹² Буйский А. Красная армия на внутреннем фронте: Борьба с белогвардейскими восстаниями, повстанчеством и бандитизмом. М.; Л., 1929.

⁹³ Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград (1919). М., 2004.

⁹⁴ Бармина Я. Ф., Курзиниер М. Я. Из истории организации Красной Армии в Псковской губернии в 1918–1919 гг. // Красная летопись. 1930. № 1.

⁹⁵ Геронимус А. А. Разгром Юденича. М.; Л., 1929.

⁹⁶ Пухов Г. С. Строительство Красной Армии в Петрограде и Округе (окончание) // Красная летопись. 1930. № 1; *Его же*. Как вооружался Петроград. М., 1933.

⁹⁷ Ильин Ю. А. Советская власть и крестьянство в дни революции и гражданской войны: обзор отечественной литературы периода 1918 г. — середины 80-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 2. 2000. С. 73.

всячески лакировалась, ее значение умахлялось. Это заметно уже в «пограничной» работе Г. С. Пухова⁹⁸, в статьях Н. А. Корнатовского 30-х гг.

Для советской послевоенной историографии был характерен взгляд на дезертирство в Красной армии, представленный, например, в монографии А. С. Умнова. Автор понимал его как проявление «известного сопротивления» со стороны «некоторой части крестьянства» режиму диктатуры пролетариата⁹⁹. «Краткая история Гражданской войны» подчеркивала большую политическую значимость дезертирского вопроса, объясняя его возникновение «темнотой и несознательностью» масс¹⁰⁰. В двухтомнике «Гражданская война» (1986 г.) явление дезертирства объяснялось как «мелкобуржуазные колебания среднего крестьянства»¹⁰¹. Мероприятия по борьбе с этим злом были поддержаны основной массой крестьян, что и привело к успеху. Отождествление дезертиров-красноармейцев с имущими слоями деревни было вполне традиционно для историографии этого периода, их кулацкая сущность особо, иногда натянуто, подчеркивалась. В работе Е. И. Медведева (1974 г.) читаем: «Большинство дезертиров — выходцы из зажиточных крестьян и середняки. Например, из 15 дезертиров села Подъем-Михайловского Самарской губернии 13 имели в хозяйстве от двух до семи лошадей, по 2–3 коровы и много посева»¹⁰². В «Энциклопедии Гражданской войны» (1983 г.) теме дезертирства в Красной армии отведено чуть более одного столбца (вместе с труд-дезертирством и дезертирством из белых армий)¹⁰³.

Советская историография Гражданской войны на Северо-Западе России обходила почти полным молчанием дезертирский вопрос. Одновременно подчеркивались массовые уклонения крестьян Петроградской губернии от юденичевских мобилизаций, чему противопоставлялось единение фронта и тыла 7-й армии¹⁰⁴. Факты дезертирства у противников большевиков неизменно выступали одним из важных

⁹⁸ Пухов Г. С. Как вооружался Петроград.

⁹⁹ Умнов А. С. Гражданская война и среднее крестьянство (1918–1920 гг.). М., 1959. С. 190.

¹⁰⁰ Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1960. С. 251.

¹⁰¹ Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 136.

¹⁰² Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов, 1974. С. 298.

¹⁰³ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 174–175.

¹⁰⁴ См., напр.: Кульшев Ю. С. Разгром Юденича. Л., 1972. С. 52.

доказательств неприятия народом «белой идеи», нежизнеспособности их правительств.

На новом постперестроечном этапе разработки проблемы выделим в первую очередь монографию М. А. Молодцыгина «Красная Армия: рождение и становление. 1917–1920 гг.», в которой нашему вопросу уделена часть главы с метким названием «Туда... и обратно»¹⁰⁵. Автор, оперируя огромным фактическим материалом из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), изложил проблему дезертирства как в рамках комплектования Красной армии, так и в социальном плане. В монографии приведен анализ крестьянских писем на фронт, в которых затрагивалась тема дезертирства. Одним из выводов автора стал тезис о том, что нередко деревня сама подталкивала красноармейцев к побегу и возвращению домой. Опыт создания комиссий по борьбе с дезертирством представлялся М. А. Молодцыгину не слишком удачным.

Историк В. И. Голдин в своем историографическом очерке (2000 г.) отметил повышение интереса к проблеме дезертирства у красных и белых, но если последняя была вполне разработана, то «дезертирство из Красной армии ранее специально не исследовалось»¹⁰⁶. Важные статистические данные содержатся в скрупулезном исследовании Г. Ф. Кривошеева¹⁰⁷. Краткий обзор развития военно-уголовного законодательства в вопросе об уклонении от военной службы и дезертирстве дан в монографии председателя гарнизонного военного суда Ю. П. Оноколова¹⁰⁸. Монография В. В. Галина ставит «дезертирский вопрос» на одно из важных мест истории Гражданской войны в России, но данный автор рассмотрел его без опоры на архивные материалы¹⁰⁹.

В современной историографии также следует выделить ряд статей. Работа В. В. Овечкина «Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны»¹¹⁰ ставила целью комплексно отразить вопрос

¹⁰⁵ Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление, 1917–1920 гг. М., 1997.

¹⁰⁶ Голдин В. И. Россия в Гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая пол. 1980-х – 90-е гг.). Архангельск, 2000. С. 76.

¹⁰⁷ Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001.

¹⁰⁸ Оноколов Ю. П. Указ. соч.

¹⁰⁹ Галин В. В. Указ. соч.

¹¹⁰ Овечкин В. В. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 3.

дезертирства за весь период войны. С. Н. Щеголихина в статье «О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях»¹¹¹ соотнесла состояние дисциплины противоборствующих сил. Главный вывод автора: большевики использовали более гибкую систему борьбы с дезертирами, потому лучше справились с проблемой. По ее мнению, в годы Гражданской войны «в целом дезертирство... являлось свидетельством того, что личные интересы (пожалуй, впервые в российской истории в столь массовом масштабе) становились гораздо выше официально проводимых государственных»¹¹². Статья А. В. Долговой также посвящена проблеме дезертирства как в Красной, так и в Белой армиях¹¹³. В ней рассмотрены причины, масштабы, характер, последствия данного явления в основном на уральском материале.

Статья М. В. Ходякова «Петроградская комиссия по борьбе с дезертирством в годы гражданской войны»¹¹⁴ является не только единственной специальной работой по военному дезертирству в Гражданской войне на материалах одной из губерний Северо-Запада, но и первой, анализирующей деятельность отдельной региональной комдезертир в динамике за весь период ее существования. В разделе с говорящим названием «В Красной Армии служить не дай Бог» сборника «Горячешный и триумфальный город» этого автора представлено множество документов, прямо касающихся нашей темы¹¹⁵.

Начало XXI в. ознаменовалось повышением интереса к теме и выходом ряда работ, раскрывающих аспекты дезертирства и борьбы с ним на местах. В отличие от исследования проблемы уклонения от военной службы, бегства из армейских рядов в годы Великой Отечественной войны, изучение в этой связи периода войны Гражданской не было сковано самоцензурой историков. Многие современные работы по истории Гражданской войны в регионах так или иначе затрагивают эту «экзотическую» и малоисследованную тему, как правило,

¹¹¹ Щеголихина С. Н. О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях // Вопросы истории. 1996. № 2.

¹¹² Там же. С. 174.

¹¹³ Долгова А. В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 годах // Вестник Пермского университета. История. 2008. № 7.

¹¹⁴ Ходяков М. В. Петроградская комиссия по борьбе с дезертирством в годы гражданской войны // Петербургские чтения — 97. СПб., 1997.

¹¹⁵ «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: документы и материалы / сост., авт. предисл. и коммент. М. В. Ходяков. СПб., 2000.

весьма поверхностно. Например, отметим главу из двухтомной монографии В. И. Бакулина на вятском материале¹¹⁶. Заслуживают внимания исследования В. Л. Кукушкина по Вологодской губернии, Н. И. Суркова — по Усть-Сысольску и В. В. Федяшина — по Уфимской губернии, хотя их отличает скорее краеведческий характер¹¹⁷. Уральский исследователь С. И. Панькин выдвинул тезис о том, что навешивание на дезертира ярлыка врага только усиливало его антисоветский характер¹¹⁸. Основные тенденции развития военно-уголовного законодательства в отношении дезертиров рассмотрены в работе В. В. Никулина¹¹⁹. Эти работы, как и монография В. В. Кондрашина¹²⁰, статьи А. В. Долговой¹²¹, А. В. Лесных¹²², М. Васильева¹²³, С. В. Маковой¹²⁴, М. С. Чудаковой¹²⁵ подтверждают тезис Ю. А. Ильина, отнесшего рассмотрение вопросов «военно-мобилизационных усилий»

¹¹⁶ Бакулин В. И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 гг.: в 2 кн. Киров, 2009.

¹¹⁷ Кукушкин В. Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919–1921 годах // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000; Сурков Н. И. «Уличен в дезертирстве...» (работа Усть-Сысольского уездного отдела социального обеспечения с дезертирами в годы гражданской войны) // Родники Пармы. Вып. 5. Сыктывкар, 2000; Федяшин В. В. Проблема военного дезертирства: историко-социологический аспект // Вестник Башкирского гос. пед. ун-та. 2000. № 1.

¹¹⁸ Панькин С. И. Дезертирство на Южном Урале в 1920–1921 годах как проявление отклоняющегося поведения // Вестник Челябинского ун-та. 2002.

¹¹⁹ Никулин В. В. Уголовная ответственность за дезертирство в период гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Евразийский юридический журнал. 2010. № 8.

¹²⁰ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

¹²¹ Долгова А. В. Бандитизм или борьба с дезертирством в 1919 – 1920-е гг. // Гражданская война на Востоке России: материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 нояб. 2008 г.) / Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008.

¹²² Лесных А. В. Военные мобилизации крестьян в Красную Армию на территории Воронежской губернии во время Гражданской войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Общественные и гуманитарные науки). 2009. № 90.

¹²³ Васильев М. «Пока послужим, а потом убежим»: дезертирство в Псковской губернии // Родина. 2011. № 2.

¹²⁴ Маковой С. В. Дезертирство и борьба с ним в годы гражданской войны на Северо-Западе Советской республики // Научно-технические ведомости СПбГТУ (Гуманитарные и общественные науки). 2011. № 2.

¹²⁵ Чудакова М. С. Роль чрезвычайных комиссий в борьбе с дезертирами (1918–1920 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3.

советской власти и «их коррекцию крестьянством» к одной из «прорывных», наиболее актуальных и важных на сегодняшний день (статья вышла в 2000 г.) задач в изучении взаимоотношения государства и крестьянства в указанный период, а значит, и в изучении Гражданской войны¹²⁶.

В иностранной историографии наша проблема не разработана в достаточном объеме, главным образом из-за препятствий в работе с архивными материалами. А. Грациози назвал массовое дезертирство питательной средой, главным ресурсом для пополнения политического и криминального бандитизма. По его оценкам, только в сельской местности в 1919 г. по стране «бродили» 1,5 млн дезертиров, причем во второй половине этого года каждый месяц давал по 200 тыс. дезертиров¹²⁷. Т. Шанин констатировал, что, несмотря на массовое дезертирство, большевики много успешнее пополняли ряды Красной армии, нежели белые, которые стойко ассоциировались у крестьян с «завоевателями», с чуждой силой. Зеленые также воевали в основном против белых. Вековые противоречия верхов и низов проявились в Гражданскую войну весьма однозначно, память поколений показала свою силу¹²⁸. Р. Пайнс отмечал, что солдаты всех сражавшихся в Гражданской войне сторон дезертировали при первой возможности и, «за исключением небольшой горстки добровольцев... не имели ни малейшего представления, за что они сражаются»¹²⁹. В его работе «Россия под большевиками» дезертирскому фактору в Гражданской войне отведено не последнее место. Данные о количестве дезертиров Р. Пайнс приводил по С. П. Оликову и О. Файджесу¹³⁰, число уклонистов и беглецов, по словам историка, было «исключительно велико». В несколько тенденциозной коллективной монографии французских историков «Черная книга коммунизма» наш вопрос раскрыт в основном с точки зрения репрессий государства против дезертиров и членов их семей¹³¹.

¹²⁶ Ильин Ю. А. Советская власть и крестьянство ... С. 79.

¹²⁷ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 24.

¹²⁸ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. — 1917–1922 гг. М., 1997. С. 316–317.

¹²⁹ Пайнс Р. Россия под большевиками. 1918–1924. М., 2005. С. 16.

¹³⁰ Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924. N.Y., 1998.

¹³¹ Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Ст. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне [и др.]. М., 2001.

В настоящее время нет ни одной обобщающей работы, на современном уровне раскрывающей это глобальное явление, его влияние на отношения советской власти с обществом (особенно крестьянством), на чисто военный аспект, без постоянного сведения темы исключительно к борьбе с дезертирством. Рассмотрение дезертирства как широкого социального течения, изучение его психологии, тактик выживания, исследование всего многообразия мер (от штрафов до расстрелов, от высмеивания в карикатурах до «позорных» нашивок на форме) по обузданию дезертирства, а впоследствии и легализации дезертирской массы при переходе к мирной жизни, дискуссии о стратегических подходах к проблеме руководителей в центре и на местах выясняют действительно малоисследованные аспекты истории Гражданской войны в России вообще и на Северо-Западе в частности.

Хронологические рамки работы охватывают период с середины 1918 до конца 1921 года. Нижняя хронологическая граница обусловлена переходом к комплектованию Красной армии на призывной основе, что послужило толчком к началу массового дезертирства. Верхняя хронологическая граница объясняется тем, что в 1921 г. произошли радикальные изменения в социально-экономической (переход к нэпу), военной (свертывание масштабных боевых действий) сферах и, как следствие, в деле борьбы с дезертирством: в июне 1921 г. комдезертиры были расформированы, а дела о дезертирах были переданы в народные суды. 1921 г. стал первым годом обуздания массового дезертирства, и, хотя проблема стояла еще очень остро, решать ее приходилось уже в новых условиях. Территориальные рамки исследования охватывают Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии в 1918–1921 гг.

В настоящее время созданы все условия для более глубокого и подробного изучения вопроса с учетом накопления введенных в научный оборот документов и, главное, открытия доступа к обширным и практически нетронутым архивным материалам. Отсутствие идеологического диктата, возможность свободного выдвижения положений и концепций строго на основании выявленных фактов, достижение определенной степени объективности позволяет синтезировать уже имеющиеся и новые данные, что способствует более глубокому и целостному объяснению произошедших событий.

Документальную основу исследования составили фонды региональных архивов Санкт-Петербурга, Ленинградской, Псковской, Новгородской областей. Основой стали малоизученные материалы

фонда 5275 (Петроградская губернская комиссия по борьбе с дезертирством) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Среди прочего в фонде представлены протоколы заседаний комиссии, переписка с различными органами власти, воинскими частями, частными лицами, протоколы допросов и обысков, анкеты дезертиров, отчеты комиссий, образцы фальшивых документов и др. Материалы Псковской губернской комиссии по борьбе с дезертирством рассредоточены по фонду Р-609 (Псковский губернский военный комиссариат по военным делам (1918–1925 гг.)) Государственного архива Псковской области (ГАПО). Аналогичная ситуация имеет место и в фонде Р-1527 (Новгородский губернский военкомат) Государственного архива Новгородской области (ГАНО). Сложный и противоречивый характер взаимоотношений партийных органов и системы комдезертир на губернском, уездном, волостном уровнях показывают материалы фондов бывших «партийных» архивов: Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

В Российском государственном военном архиве (РГВА) наибольший интерес представляют фонд 11 — Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб) — и фонд 25888 — Ленинградский военный округ (ЛВО) (бывш. Петроградский (ПВО)). Именно Всероглавштаб замыкал на себе всю систему борьбы с дезертирством, находился в теснейшем контакте с Центральной комиссией по борьбе с дезертирством, куда стекались столь важные для нас отчеты из губерний и военных округов. Делопроизводство Всероглавштаба содержит массу интереснейших документов: переписку, инструкции, отчеты. При военном комиссариате Петроградского округа в 1919 г. была образована Петроградская окружная комдезертир, контролировавшая и направлявшая губернские комиссии интересующего нас региона, что делает материалы фонда 25888 чрезвычайно ценными. К сожалению, эти документы рассеяны по фонду, а дела собственно окружной комдезертир недоступны для исследователя по причине их ветхости.

Многообразие материалов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) в сравнении с тем же РГВА лишний раз подчеркивает, что тема массового дезертирства не только и даже не столько военная. Разработка подходов к данному явлению, обсуждение мер борьбы с ним шли на самом высоком уровне, о чем свидетельствуют

документы фондов Р-130 — Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) (1917–1946) — и Р-1235 — Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Широта явления дезертирства предопределила большое количество государственных структур, вовлеченных в борьбу с ним. Особо отметим фонды Министерства юстиции РСФСР (Ф. А-353), Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (Ф. Р-393). Поиски материалов Центральной комиссии по борьбе с дезертирством завершились частичным успехом: так как после расформирования всей системы комдезертир ее силы были переданы в Наркомат труда и включились в борьбу с «труддезертителями», часть материалов «цекомдеза» оказались в фонде Р-7274 — Центральная комиссия по борьбе с трудовым дезертирством (Центркомтруд).

Документы Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) позволяют раскрыть специфический подход к дезертирам-краснофлотцам, особенности производства процессов над ними в военном трибунале Балтийского флота. Ленинградский областной государственный архив в Выборге (ЛОГАВ) интересен наличием документов о деятельности Петроградского суда по делам военных дезертиров в 1921 г. (фонд Р-2450). Материалы по уклонению от службы по религиозным причинам почерпнуты из архива Государственного музея истории религии (АГМИР).

Большое значение для анализа проблемы имеет местная и центральная периодика Гражданской войны. В первую очередь необходимо отметить такие издания, как «Деревенская коммуна» и «Беднота», дающие весьма оригинальную картину деревенской жизни и места в ней дезертиров. Партийная и советская пресса исследуемого региона представлена газетами «Петроградская правда», «Северная коммуна» («Известия Петросовета»), «Звезда» и «Псковский набат». Из изданий, ориентированных на красноармейские массы, выделим орган Политуправления 7-й армии «Боевая правда» и журнал «Красноармеец». Также из использованных периодических изданий стоит отметить «Известия Народного комиссариата по военным делам», где, как в официальном органе РККА, представлены и служебные материалы (декреты, инструкции), и дискуссионные статьи по нашему вопросу.

Глава 1

КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

1.1. ОФОРМЛЕНИЕ СИСТЕМЫ БОРЬБЫ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ (1918 — ВЕСНА 1919 г.)

В начале 1918 г. на развалинах старой армии в условиях развивающейся Гражданской войны и продолжающейся Мировой советская власть приступила к созданию новой армии на основе добровольности. Говоря о Красной армии первых месяцев, необходимо отметить, что «добровольное вступление... не означало, что военнотрудовой мог в любое время по собственному желанию оставить военную службу»¹. Добровольная служба оформлялась подписанием специального обязательства на срок не менее шести месяцев. Декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. был утвержден текст воинской присяги. Инициатива на местах (например, в Петрограде) по подписанию красноармейцами неких торжественных обещаний была проявлена еще ранее. Данное нововведение рассматривалось как одна из форм «сдерживания военнотрудовых от дурных поступков: оставления службы (дезертирства), неисполнения приказов, озорства, мошенничества и т.п.»². С конца марта в петроградских частях пытались уточнить и конкретизировать права и обязанности красноармейцев. В частности, были разработаны «Условия приема и жизни в Красной армии Выборгского района», «Общие обязанности красноармейца», «Условия для вступающих в Эстонский коммунистический батальон», «Обязательство» Особого отряда Красной армии и т. д.

Понятие побега со службы, под которым понималось «самовольное отсутствие свыше пяти дней без всяких на то основательных

¹ *Портнов В.В., Славин М.М.* Правовые основы строительства Красной армии 1918–1920 гг.: историко-юридическое исследование. М., 1985. С. 62.

² *Пухов Г.С.* Как вооружался Петроград. С. 18.

причин», было раскрыто в декрете «О социалистическом рабоче-крестьянском Красном Флоте» от 14 февраля 1918 г. Предусмотренные декретом наказания соответствовали духу времени: исключение из профессионального союза или демократической организации, а также отдача на общественные работы³. Логично, что раньше всего необходимость юридической фиксации данного военного преступления была осознана именно в военно-морском флоте как в традиционно более четко отлаженной, дисциплинированной и консервативной, в силу своей специфики, нежели армия, системе.

Тезис С. П. Оликова о том, что Красная гвардия образца зимы 1917–1918 гг. была «единственной в истории вооруженной силой, которая не знала дезертирства», излишне категоричен — здесь также стоит вести речь только об отсутствии дезертирства *массового*⁴. В сравнении с армией призывного периода следует также помнить, что количественно бóльшую долю отнесенных к дезертирам в годы Гражданской войны составили уклоняющиеся от мобилизации, что просто не могло иметь места при добровольческом наборе.

29 мая 1918 г. был издан декрет ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию»⁵. Был сделан шаг, на который, казалось, невозможно было пойти еще в начале 1918 г., когда «жива была еще в памяти старая армия. Живы были еще и ее остатки, которые растекались по всей стране»⁶. Уровень дисциплины в любой армии непосредственно связан с уровнем дезертирства, самовольных отлучек и т. д. Один из пунктов резолюции по докладу Л. Д. Троцкого о создании Красной армии на V съезде Советов 10 июля 1918 г. гласил: «Рабочая и крестьянская Красная Армия должна быть построена на основе железной революционной дисциплины... Хулиганские элементы, которые грабят и насилуют местное население или устраивают мятежи, шкурники, трусы и дезертиры, которые покидают боевые посты, должны караться беспощадно»⁷. Необходимый, по сути, переход к комплектованию Красной армии на основе воинской повинности вызвал естественную волну массового дезертирства, которая к концу

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 23. М., 1942. С. 331–335.

⁴ Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. С. 18.

⁵ Декреты Советской власти: Т. 1–18. М., 1957–2009. Т. 2 (1959). С. 334–335.

⁶ Строительство Красной Армии. М., 1919. С. 4.

⁷ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 542.

1918 г. стала представлять серьезную опасность для новой власти. Она заключалась не только в ослаблении армии, но и в создании почвы для антисоветских вооруженных выступлений, нарушении работы транспорта, развитии бандитизма, демонстрации безнаказанного нарушения советских декретов.

За 1918 год существенно изменился и классовый характер армии: в добровольческий период большую часть ее составляли рабочие, да и первые мобилизации затронули лишь города. 29 июня 1918 г. был издан декрет СНК о призыве рабочих 1896–1897 гг. рожд., постоянно и временно проживающих в Петрограде и пригородах, а ровно через месяц были призваны рабочие 1893–1897 гг. рожд. всех уездов Петроградской губернии⁸. В августе 1918 г. по Петрограду активно распространялась листовка, в которой, наряду с призывом к матерям, женам и сестрам рабочих «звать» их на призывные пункты, констатировалось, что каждый не явившийся — «враг народа и изменник собственному делу»⁹.

Осенью начались массовые призывы крестьян, пришедшиеся как раз на период полевых работ, что также сказалось на уровне уклонения от службы. С этого времени пара «крестьянин-дезертир» стал одним из клише большевистского агитпропа, причем весьма заслуженно. В постановлении, принятом на совещании военных делегатов XI съезда РКП(б) (март — апрель 1922 г.), давалась характеристика Красной армии «...как принудительно собранной живой силы, более чем на $\frac{3}{4}$ состоящей из крестьян», из чего и вытекали ее особенности¹⁰. Говоря о мобилизационных кампаниях этого периода, главнокомандующий Вооруженными силами республики С. С. Каменев подчеркивал, что на местах призывных списков не имелось, никакой специальной подготовки к призыву не велось, а «просто говорилось — таким-то возрастам идти на войну. Каждый мог скрыть свой возраст, однако шел»¹¹. Сложилась объективная ситуация, в которой всех подлежащих призыву привлечь просто не представлялось возможным в силу слабости системы, и потому «брали только тех, кто являлись на сборные пункты»¹². Видный военный и партийный деятель С. И. Гусев писал об отсутствии реальных рычагов воздействия на население и сельские

⁸ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 109–111; Там же. С. 507–508.

⁹ Петроградские листовки Гражданской войны 1918–1920 гг. Л., 1944. С. 23.

¹⁰ Протоколы XI съезда РКП(б). М., 1936. С. 693.

¹¹ Цит. по: *Портнов В. В., Славин М. М.* Правовые основы ... С. 112.

¹² *Козаков А.* Общие причины ... С. 32.

органы власти: «Вспомните, как проводились первые мобилизации. Митингами, манифестацией, листовками»¹³. Иначе и быть не могло, ведь в начальный период мобилизационного строительства Красной армии «учетные аппараты, не говоря уже про места (где их, зачастую, не было), но даже в центре были поставлены весьма слабо»¹⁴. Более того, в сборнике «Строительство Красной Армии» под редакцией военного комиссара Всероссийского главного штаба В. Г. Шарманова отмечено, что учет населения, подлежащего призыву, начался только после первых мобилизаций¹⁵. Л. Д. Троцкий говорил о массовой неявке на призывы среди крестьян в губерниях, удаленных от фронтов, где «учет был плох, призывы не брались всерьез»¹⁶. Воспитание в народной среде подобной «необязательности» в отношении исполнения законов и «простительности» к нарушителям летом — осенью 1918 г. будет оплачено дорогой ценой при последующих призывах. Это «несерьезное» отношение к мобилизациям — отголосок революционно-анархической вольницы 1917 г. и отсутствие восприятия советской власти как пришедшей всерьез и надолго.

Исследователь В. С. Измозик, анализируя сводки о настроении на местах, отметил как типичные для 1918 г. сведения о нежелании населения выполнять декрет о мобилизации в Красную армию¹⁷. На VI съезде Советов Петроградской губернии в январе 1919 г. один из уездных представителей заявил в своем выступлении: «Мобилизованные целых волостей не являлись. Человек 300–400 мобилизованных собираются и попадают под воздействие офицеров и кулаков, происходит вооруженное восстание и приходится подавлять его оружием... У нас есть волости, где на мобилизацию смотрят как на что-то враждебное и стараются разрушить ее»¹⁸. К концу 1918 г. от мобилизации в Красную армию по Советской России уклонилось 917 250 человек...¹⁹

Проведение широких мобилизационных кампаний в России неизменно встречало определенное сопротивление того или иного рода

¹³ Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия. С. 37.

¹⁴ Козаков А. Указ. соч. С. 32.

¹⁵ Строительство Красной Армии. С. 5.

¹⁶ Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Иркутск, 1991. С. 363.

¹⁷ Измозик В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995. С. 36.

¹⁸ Цит. по: Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX в. СПб, 2001. С. 71.

¹⁹ Оликов С. Указ. соч. С. 38.

со стороны мобилизуемых. Даже говоря о патриотическом подъеме первых месяцев Первой мировой войны, уместно вспомнить о беспорядках и волнениях среди новобранцев. Слова исследователя С. В. Тютюкина об этих событиях вполне ложатся и на рассматриваемый нами период: «Здесь проявилась глубокая, годами копившаяся неприязнь значительной части народа к властям... Ситуация усугублялась привычной для России административной неразберихой, произволом карательных органов, привыкших действовать в основном методом устрашения и подавления»²⁰.

Меры, применяемые для борьбы с дезертирством во второй половине 1918 г., несмотря на решительность (объявление дезертиров врагами народа и применение массовых расстрелов), не характеризовались организованностью и продуманностью. Анализируя все новые многотысячные наборы в Красную армию и чуть ли не превышавшее их число бежавших и уклонистов, Н. Н. Мовчин сделал любопытный вывод: «пока еще оставались ресурсы для призывов, не было побудительных причин серьезно отнестись к борьбе с дезертирством»²¹. Позднее глава Политуправления Петроградского военного округа К. Г. Аршавский в телеграмме в Псковскую губернскую комиссию по борьбе с дезертирством (далее — ГКД) от 9 января 1920 г. о предстоящей мобилизации 1901 г. рожд. обращал внимание на то, что одной из основных задач на тот период было «приведение в более благоприятное состояние взаимоотношения между числом мобилизованных и числом штыков». Речь шла о необходимости начать, наконец, дорожить каждым призванным, так как «расход человеческого материала чрезвычайно велик», а больших мобилизаций страна уже не в силах была проводить²².

При отсутствии организованной системы сопротивления дезертирству большая доля ответственности была возложена на партийные структуры. Советский историк В. В. Бритов, конъюнктурно рассказавший в своей монографии об успешном прохождении массовых мобилизаций 1918–1919 гг., все же упомянул, что без «крайнего напряжения» усилий РКП(б) это было бы невозможно²³. В сентябре 1918 г.

²⁰ Тютюкин С. В. Патриотический подъем в начале войны // Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002–2005. Кн. 1. С. 362.

²¹ Мовчин Н. Н. Указ. соч. С. 130.

²² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 76.

²³ Бритов В. В. Рождение Красной Армии. М. 1961. С. 215, 230.

Петроградский губернский комитет РКП(б) выработал «Инструкцию партийным коллективам красноармейских частей». Пункты 7 и 8 этой инструкции возлагали на партийные коллективы не только недопущение «утечек» при отправке на фронт, но и борьбу с малодушием бойцов и дезертирством на фронте²⁴. Постановлением ЦК РКП(б) от 26 ноября 1918 г. всем членам партии предписывалось «общими энергичными усилиями вызвать скорый перелом в настроении и поведении частей», обратив особое внимание на укрепление дисциплины и на то, чтобы ни одно воинское преступление не осталось безнаказанным²⁵. Явственную демонстрацию того, к чему это приводит и на фронте, и в тылу, дал 1917 г.

С лета 1918 г. началось создание системы военно-революционных трибуналов (далее — ВРТ), что логично шло параллельно с первыми крупными призывами в Красную армию, оформлением проблемы массового дезертирства. Первоначально на отдельных участках фронта по личной инициативе комиссаров и командиров возникали разного рода чрезвычайные органы («тройки», трибуналы, военно-полевые суды), которые включились в борьбу с военными преступлениями, в том числе с дезертирством²⁶. В беседе с корреспондентом «Северной коммуны» председатель ВРТ при РВСР К.Х. Данишевский так обосновал необходимость создания таких трибуналов: «Вошедшие в состав новой армии бывшие солдаты, пережившие период разложения и демобилизации, принесли с собой склонность к дезертирству и беспричинной панике»²⁷. Соответственно, на фронте должна была сложиться эффективная и скорая на расправу карательная система, приговоры которой оказали бы отрезвляющее влияние на нестойких бойцов. Простую и меткую мысль высказал Л.Д. Троцкий в феврале 1919 г., отметив, что армия революционной, переменчивой эпохи по сути своей есть «нервная армия, которая живет порывами...» и может дрогнуть, побежать вследствие любых неудач²⁸.

Практическая борьба с дезертирством в 1918 г. легла во многом на плечи ЧК, но, несмотря на масштабность массового дезертирства

²⁴ Пухов Г.С. Как вооружался Петроград. С. 45.

²⁵ Портнов В.В., Славин М.М. Указ. соч. С. 177.

²⁶ Данишевский К.Х. Революционные военные трибуналы. М., 1920. С. 3–4.

²⁷ Северная коммуна. 1919. 2 янв.

²⁸ Троцкий Л.Д. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 2 // Сочинения. Т. 1–21. М.; Л., 1925–1927. Т. 17. Ч. 2 (1926). С. 86.

(сотни тысяч человек), эта задача была для них третьестепенной. В историографии по исследуемому региону этот вопрос не нашел достойного отражения²⁹. По сведениям М. Я. Лациса, по состоянию на 18 сентября 1918 г. в одной только Новгородской губернии было задержано 11 150 дезертиров³⁰. Используя материалы периодической печати, петербургский исследователь И. С. Ратьковский выявил 80 случаев применения высшей меры наказания органами ЧК за дезертирство в 1918 г.³¹ На этом этапе подавляющая часть извлеченных дезертиров отправлялась обратно в части, лишь те, чей побег был отягчен уголовными преступлениями, контрреволюционной деятельностью или же совпал с тяжелой военной обстановкой, подлежали суду. Уездные ЧК, имевшие, как правило, весьма слабый кадровый состав, зачастую только усложняли ситуацию с дезертирами, скрывавшимися на селе, неуклюжими или же излишне жестокими действиями провоцировали бело-зеленые восстания. Их упразднение несколько оздоровило отношение власти и населения, способствовало успешности борьбы с дезертирством.

Для борьбы с паникой и дезертирством уже в августе 1918 г. на фронте действовали «специальные конные отряды-десятки», состоящие по преимуществу из коммунистов³². Всем начальникам боевых участков Северокавказского военного округа было предписано немедленно сформировать отдельные роты для борьбы с дезертирством. Вскоре за этим последовал приказ: «Выделить при каждом штабе корпуса две контрольные роты для наблюдения в тылу за порядком и задержания дезертиров, к коим применять расстрел»³³. Л. Д. Троцкий поощрил инициативу командования 5-й армии, где была создана «летучая сотня» для борьбы с дезертирством, и рекомендовал внедрять этот опыт на всех фронтах.

После занятия Красной армией Пскова в ноябре 1918 г. в губернии началась организация особых военизированных подразделений,

²⁹ См., напр.: *Петров М. Н.* ВЧК–ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995; *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. СПб., 2006.

³⁰ *Лацис М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 74.

³¹ *Ратьковский И. С.* Указ. соч. Приложение. Табл. 6.

³² Цит. по: *Дайнес В. О.* Штрафбаты и заградотряды Красной Армии. М., 2010. С. 18.

³³ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): сб. документов: в 4 т. М., 1971–1978. Т. 1. С. 306, 666.

имевших задачей борьбу с дезертирством, которое здесь зачастую принимало характер вооруженного сопротивления советской власти. В конце 1918 г. по распоряжению Псковского губернского комитета РКП(б) был создан Псковский коммунистический отряд (около 60 штыков). На него были возложены функции «очистки» окрестностей Пскова от дезертиров и белогвардейцев. Подобные формирования были созданы и в других уездах (например, в Островском)³⁴. Постепенно в отдельных районах исследуемого региона появлялись не только силовые подразделения, но и временные структуры, организующие и координирующие антидезертирскую деятельность. Так, например, в начале 1919 г. в Луге действовал «Военно-революционный штаб отрядов по усмирению кулацко-белогвардейских мятежей и борьбе с дезертирством»³⁵.

Приказом председателя РВСР № 44 от 7 октября 1918 г. обязанность задерживать дезертиров и доставлять их в штаб полка или дивизии возлагалась на сельсоветы и комбеды, ответственными за неисполнение считались их председатели. Каждый добровольно сдавшийся властям дезертир, который являлся в штаб дивизии и говорил: «Я дезертир, но клянусь, что дальше буду сражаться честно», — должен был быть прощен и допущен к исполнению «высоких обязанностей» красноармейца³⁶. Одновременно тот же приказ грозил расстрелом на месте за любую попытку сопротивления со стороны дезертира.

Постановлением РВСР от 24 октября 1918 г. все меры к розыску скрывшихся красноармейцев должны были принимать окружные военные комиссары и войсковые начальники, «распоряжениями которых формировались воинские части, давшие дезертиров»³⁷. По прибытии эшелона с красноармейцами надлежало провести проверку личного состава, выявить «летчиков» и подключить к их поимке окружные военкоматы (далее — ОВК) и войсковых начальников³⁸. Приказом РВСР № 283 от 22 ноября 1918 г. все отставшие от следующих на фронт эшелонов должны были предаваться революционному

³⁴ Минченков С. А. Части особого назначения на Псковщине в начале 20-х гг. // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Вып. 2. Псков, 2000. С. 16.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 5275. Оп. 1. Д. 39. Л. 27 об.

³⁶ Там же. Л. 14.

³⁷ Реввоенсовет Республики: Протоколы 1918–1919. М., 1997. С. 88.

³⁸ Руководство к декретам и постановлениям ... С. 27.

суду как дезертиры. Отмечалось, что они деморализующе воздействуют на красноармейцев и парализуют работу транспорта³⁹. В это время, когда потенциальная мобилизационная база большевиков была далеко не исчерпана, на первом месте находилась не проблема недополучения Красной армией боевых единиц, а «побочные» негативные эффекты бегства: перебои в работе железных дорог, удар по авторитету советской власти, создание взрывоопасной ситуации в тылу и т. д.

С самого начала важная роль в деле борьбы с дезертирством отводилась агитации, главным образом силами периодической печати. Признавалось необходимым «...создать среди трудовых масс населения и прежде всего в самой Красной Армии понимание всей преступности дезертирства в тех условиях, в каких находится наша страна, и настроения к дезертирам, нарушающим основной долг граждан Советской республики»⁴⁰. На деле же до января 1919 г. должного внимания этой теме на страницах газет не уделялось.

Проблема дезертирства и уклонения от мобилизации была равно актуальной для всех противоборствующих сторон в Гражданской войне. Важнейшим делом для них было успешное проведение призыва, сокращение дезертирства из армейских рядов; нужно было «заставить новобранцев воевать, а не разбежаться после первого же боя»⁴¹. В обвинение белым режимам Г. Раковским была брошена следующая фраза: «Крестьянство с необычайной стойкостью и упорством уклонялось от участия в гражданской войне. Суровые репрессии, драконовские приказы о мобилизациях не могли парализовать массового, чуть ли не поголовного, дезертирства из рядов „русской армии“»⁴². По большому счету, приведенное высказывание применимо ко всем вооруженным силам гражданской войны в России, с той лишь разницей, что пятимиллионная боеспособная Красная армия все же состоялась и победила.

Н. Х. Реден обозначил своеобразную обоюдность дезертирства в войне Гражданской — проблему перебежчиков — так: «Массовое дезертирство было нередким явлением. Из-за него Белая армия теряла

³⁹ Руководство к декретам и постановлениям ... С. 28.

⁴⁰ Реввоенсовет Республики. С. 156.

⁴¹ Шанин Т. Революция как момент истины. С. 318.

⁴² Гражданская война в России (1918–1921 гг.) / сост. С. Пионтковский. М., 1925. С. 626.

и приобретала солдат»⁴³. А. Ренсом сообщал о полном нежелании сражаться и у красных, и у белых за отсутствием у них осознанных политических и патриотических убеждений. Скучное снабжение влекло за собой массовое дезертирство и переход на сторону врага, из армии которого они вскоре с немалой долей вероятности бежали вновь⁴⁴. Министр общественных работ Северо-Западного правительства Н. Н. Юденича Н. Н. Иванов писал: «Я близко видел гражданскую войну, и мое заключение: народ наш в массе не принял гражданской войны ни красных, ни белых, и участвовал в ней весьма нехотя»⁴⁵. И для Советской России, и для подконтрольных белым территорий равно подходит следующее описание: «длинные вереницы совершенно молодых и здоровых людей тянутся в глубокий тыл, гонимые безотчетным и слепым чувством страха»⁴⁶. Сравнивая численность противоборствующих сил и масштабы дезертирства в них, Р. Пайпс заметил: «Во второй половине 1919-го из рядов Красной Армии дезертировало каждый месяц больше солдат, чем служило во всей Добровольческой армии белых»⁴⁷.

Большинство крестьян было готово сражаться с белыми в своих волостях, но не вдалеке от малой родины. Особенно это было характерно для партизанских, добровольческих формирований, которые зачастую набирались в одной деревне. При переброске на другой фронт такие части в буквальном смысле таяли на глазах. «Земляческие» победы в родную волость были одной из характерных черт войны.

В ответ на естественное дезертирство и уклонение, вызванное и нежеланием воевать, и неприятием большевистской политики в деревне, «требовались как политическая агитация, так и принуждение, порядок, жестко навязанный рождающимся государством»⁴⁸. Острота вопроса требовала максимально быстрого сложения в чрезвычайных условиях практической и теоретической базы борьбы с дезертирством. Тем не менее на III Партийной конференции Совета коммун Север-

⁴³ Реден Н. Указ. соч. С. 222.

⁴⁴ Ransome A. The crisis in Russia. 1920 / The Project Gutenberg EBook. URL: <http://www.gutenberg.org/1/3/2/1326> (дата обращения: 06.10.2016).

⁴⁵ Скерский К. В. Красная армия ... С. 8.

⁴⁶ Цит. по: Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 — 1920 г.). М., 2002. С. 234.

⁴⁷ Пайпс Р. Россия под большевиками. С. 78.

⁴⁸ Боффа Дж. История Советского Союза. С. 102.

ной области (далее — СКСО) 2 декабря 1918 г. основной докладчик по военному вопросу Б. П. Позерн с удовлетворением утверждал: «... мы провели множество мобилизаций, с которыми не справилось бы ни одно хорошо организованное капиталистическое государство. Нам же удалось проделать это лишь благодаря наличию комитетов деревенской бедноты, которые зорко следят за тем, чтобы никто не уклонялся»⁴⁹.

Надежда власти на успешность призывной кампании во многом возлагалась именно на комбеды. Так, приказ Новинского волостного военкомата (Тихвинский уезд Череповецкой губернии) от 20 ноября 1918 г. гласил: «Всем комитетам бедноты вменяется в обязанность проверять отпускные билеты-мандаты у солдат, прибывших в отпуск, и, если таковые окажутся без всяких увольнительных документов — немедленно доставлять в волостной комиссариат. За неисполнение... комитеты бедноты подвергаются ответственности по законам военного времени»⁵⁰. Ноябрьское предписание Запольского волостного военкомата (Лужский уезд) местному комбеду по поводу отправки дезертиров содержало следующие практические подробности: «Вторично предписываю вам принять самые строжайшие меры по отправке проживающих в вашем обществе дезертиров, кои до сих пор не отправились в свои части... При ослушании граждан отправиться в часть, прошу в тот же день переписать их фамилии и список представить в военный комиссариат, который вышлет партизан для ареста таковых и отправки в комендатуру в г. Лугу с рапортом как дезертиров»⁵¹.

Принципиально новым шагом стало образование Центральной комиссии по борьбе с дезертирством (далее — ЦКД). В соответствии с постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны (далее — СРКО) «О дезертирстве» от 25 декабря 1918 г. (см. Приложение 1) в нее вошли представители Всероссийского главного штаба (далее — ВГШ), Всероссийского бюро военных комиссаров, Народного комиссариата по военным делам⁵². Временный характер данной комиссии особо подчеркивался, что сказалось и на ее официальном первоначальном названии — Центральная *временная* комиссия по борьбе

⁴⁹ Цит. по: Пухов Г. С. Как вооружался Петроград. С. 50.

⁵⁰ Комитеты деревенской бедноты: сб. документов. Л., 1947. С. 364.

⁵¹ Там же. С. 368–369.

⁵² Декреты Советской власти. Т. 4 (1968). С. 255.

с дезертирством. Казалось, стоит взяться за данную проблему «всем миром», и такой неотъемлемый спутник царской армии, как дезертирство, будет изжит. Только с созданием ЦКД мы можем говорить о начале оформления организованной и планомерной борьбы с дезертирством. Тем не менее четкая, прозрачная для самих «борцов» понятная система работы так и не была налажена в течение всей Гражданской войны.

Несмотря на определенную концентрацию дела в руках ЦКД, названное постановление предписывало привлекать к розыску дезертиров «все Советские учреждения»⁵³. Для борьбы с массовым дезертирством нельзя было обойтись исключительно военными или узкоспециализированными ведомствами. Еще в сентябре 1915 г., когда уровень данного явления был несравнимо ниже, военное ведомство, сообщая в Министерство внутренних дел о побегах («разбегается почти весь эшелон»), просило о содействии, так как «военное министерство... без помощи гражданской власти бессильно что-нибудь сделать»⁵⁴.

Дезертиры в постановлении были охарактеризованы как «некоторые порочные, а подчас и несознательные элементы»⁵⁵. Отметим особенность, которая будет встречаться в подобных декретах и в дальнейшем: дезертирство, несмотря на всю масштабность, представлялось преступлением отдельных субъектов, исключительным случаем. Получалось, что, поднимая важность решения данного вопроса на значительную высоту, подобные определения для конкретного работника на местах психологически, пожалуй, принижали значимость его труда, а следовательно, и ответственность, активность, которую необходимо было проявить на этом поприще.

Признавая всю трудность положения Советской России, постановление «О дезертирстве» квалифицировало его как тяжкое и позорное преступление, на пресечение которого необходимо обратить «всю энергию государственной власти...». Народным комиссариатам юстиции и по военным делам поручалась разработка для ревтрибуналов «инструкций по определению степени виновности дезертиров». Они же, совместно с Наркоматом внутренних дел, должны были

⁵³ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 255.

⁵⁴ *Оськин М.В.* Указ. соч. С. 272.

⁵⁵ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 255.

устанавливать степень виновности должностных лиц «в случаях недостаточно энергичной борьбы с дезертирством». Для наказания дезертиров определялся чрезвычайно широкий спектр мер: от денежных штрафов до расстрела. Укрыватели карались принудительными работами сроком до пяти лет. Ответственность за ведение борьбы с дезертирами на местах возлагалась на комитеты деревенской бедноты, исполкомы советов, военные комиссариаты⁵⁶.

Первоначально планировалось ограничиться созданием только центральной комиссии, но скоро стало ясно, что нельзя обойтись без разветвленного аппарата, который охватил бы «...своим щупальцем все отрасли жизни тыла и армии, держащим в своих руках и направляющим предназначенные для борьбы с дезертирством силы»⁵⁷. Тем не менее уже самим постановлением от 25 декабря 1918 г. предписывалось учреждать местные «вспомогательные органы»⁵⁸. Что это за органы, в документе не уточнялось. И так, ЦКД мыслилась как весьма компактный «штаб-лаборатория» для планирования, координации антидезертирской борьбы, разработки проектов декретов и инструкций. Лишь под давлением необходимости эта комиссия была фактически «размножена» на места, вплоть до волостного уровня, явив на выходе сложную систему с огромным количеством разнообразнейших функций, которые часто вторгались в зоны ответственности других ведомств. Несмотря на это, по авторитетному мнению И. И. Вацетиса и Н. Е. Какурина, «проведение кампании по борьбе с дезертирством и уклонением от мобилизации удалось осуществить благодаря организации целой сети широко разветвленных органов для борьбы с этим злом в общереспубликанском масштабе»⁵⁹.

Уже в начале 1919 г. информация о появлении в Советской России «чрезвычайной комиссии по борьбе с дезертирством» и о ее работе стали появляться на страницах «белых» газет⁶⁰. В одной из информационных сводок противников большевиков так описывалась система комдезертир: «По всей России образована сеть органов, имеющих специальное назначение — ловлю дезертиров под разными названиями, начиная от главного управления по борьбе с дезертирством в Мо-

⁵⁶ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 254–256.

⁵⁷ Оликов С. Указ. соч. С. 18.

⁵⁸ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 255.

⁵⁹ Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002. С. 430.

⁶⁰ Скерский К. В. Красная армия ... С. 51.

ске, всеукраинской центральной комиссией и кончая губернскими и уездными „комдезами“⁶¹.

Постановление «О дезертирстве» родилось не одномоментно, но прошло череду обсуждений в декабре 1918 г. на весьма представительном уровне. Одним из ключевых стало заседание 19 декабря 1918 г. На нем среди прочих присутствовали председатель РВСР Л.Д. Троцкий и будущий первый глава ЦКД И.Л. Дзевялтовский (Дзевалтовский). Последнему было поручено в течение 24 часов создать комиссию для выработки декрета о борьбе с дезертирством⁶². На данном заседании создаваемая комиссия понималась как «временный орган... с самыми широкими полномочиями». В губерниях и уездах было решено не плодить новых штатных единиц, а пользоваться имеющимися работниками военного и, по мере надобности, других ведомств (внутренних дел, юстиции и др.)⁶³. Меры наказания первоначально варьировались от вычета тройного жалования до расстрела, одной из предполагаемых форм ответственности было направление дезертиров на службу в «особо опороченные части»⁶⁴.

Первое заседание ЦКД состоялось еще 24 декабря 1918 г. (то есть до выхода постановления «О дезертирстве») и носило подготовительный характер. Заседания 25 и 27 декабря проходили при участии представителей множества ведомств: народных комиссариатов юстиции, труда, продовольствия, путей сообщения, военного отдела издательства ВЦИК, агитационного отдела Всероссийского бюро военных комиссаров. Последнему было поручено принять немедленные меры к развертыванию активной пропагандистской работы. Через Наркомат просвещения было решено привлечь художников для создания серии плакатов, изобличающих дезертиров, на издательство ВЦИК возложили создание брошюры о вреде дезертирства. Силами местных комитетов РКП(б) на ближайшее время было назначено проведение серии митингов о дезертирстве. Началась разработка проектов приказов РВСР об отпусках красноармейцев, о проверке документов на железных дорогах, об утере документов, усилении надзора за регистрацией всех прибывающих военнотружеников, о привлечении к ответственности за проживание дезертиров сельсоветов и домовых комитетов,

⁶¹ Цит. по: *Скерский К.В.* Указ. соч. С. 109.

⁶² Реввоенсовет Республики. С. 157–158.

⁶³ Там же. С. 155.

⁶⁴ Там же. С. 157.

«о мерах пресечения попыток отдельных красноармейцев к побегу во время пути» и так далее — то есть самого широкого круга нормативных актов, прямо или косвенно затрагивающих дезертирский вопрос⁶⁵.

ЦКД было выделено 2 млн руб. на чрезвычайные расходы и помещение на Арбате, д. 35 (впоследствии ЦКД переехала на Большую Никитскую ул., д. 52). Штат ее, по состоянию на май 1919 г., был сравнительно невелик: председатель, члены комиссии (которые весьма вольно относились к обязанности посещать заседания ЦКД), 11 сотрудников секретариата, курьеры и шофер⁶⁶. За отсутствием необходимого опыта и неимением реальных сил хотя бы для остановки огромной волны дезертирства конца 1918 — начала 1919 г. никаких принципиальных результатов деятельность ЦКД на этом этапе не принесла. В феврале 1919 г. по стране было задержано лишь 26 тыс. дезертиров, многие из которых бежали вновь⁶⁷.

Для радикального снижения остроты дезертирского вопроса и резкого увеличения мобилизационной базы через возвращение беглецов в Красную армию было решено амнистировать дезертиров, добровольно сдавшихся властям. Приказ РВСР № 17 от 4 января 1919 г. обещал освободить от всякого наказания явившихся в течение двух недель с момента его опубликования. Карой вплоть до расстрела грозили всем, кто не откликнется на призыв до 1 февраля 1919 г.⁶⁸ Данная акция в масштабах Советской России результатов практически не принесла. Тем не менее по отдельным сообщениям с мест, в частности начальника комендантской части Новоржевского УВК, добровольная явка в уезде была успешна, те дезертиры, которые имели при себе документы, указывающие на принадлежность к части, отправлялись по месту прежней службы. Остальные были подвергнуты обстоятельным расспросам (справок о них не наводилось) — из них формировались особые команды, отправлявшиеся на пополнение 2-го и 3-го Псковских полков в Вильно. Так, 28 января было отправлено 24, 1 февраля — 43 человека⁶⁹. Явившиеся после указанного срока так-

⁶⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 579. Л. 1–1 об.

⁶⁶ Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 20 мая.

⁶⁷ Мовчин Н. Н. Указ. соч. С. 130.

⁶⁸ Руководство к декретам и постановлениям ... С. 32; Известия Народного комиссариата ... 1919. 15 янв.

⁶⁹ ГАПО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

же направлялись в свои части, но «при сношениях с просьбой привлечь виновных к ответственности». Все прошедшие через военкомат, заносились в особую книгу, чтобы в дальнейшем была возможность отследить факт рецидива. На 11 февраля 1919 г. по уезду в такую книгу было внесено 95 человек, из них 28 дала одна только Посадниковская волость⁷⁰.

9 февраля 1919 г. ВГШ, получая и обобщая сведения о все возрастающем пожаре дезертирства, указывал окружным военным властям на необходимость немедленно заставить военных комиссаров и военруков проявить «исключительную энергию и инициативу в деле безотлагательного привлечения этих элементов на военную службу»⁷¹. Обязательное постановление Комитета рабочей обороны СКСО «К борьбе с дезертирством» (февраль 1919 г.) объявляло работу по ликвидации данного явления «одной из очередных задач всех учреждений Советской России и каждого честного труженика»⁷². По декрету «Об амнистии некоторых категорий красноармейцев к годовщине Красной Армии» все дезертировавшие в первый раз, отбывающие наказание в виде лишения свободы, освобождались «при условии дачи освобождаемыми подписок»⁷³. Многие выпущенные из мест заключения дезертировали вновь.

С 25 января 1919 г. на основании приказов ЦКД началось повсеместное создание комиссий по борьбе с дезертирством при губернских и уездных военных комиссариатах. Должности председателей в них заняли представители военных комиссариатов, в качестве членов в них вошли сотрудники отделов культполитпросвета военкоматов и исполнительных комитетов советов⁷⁴. С передачей в руки ГКД судебных функций ЦКД рекомендовал включение в состав комиссий лиц от народных судов, ревтрибуналов или юридических отделов советов⁷⁵. В крупнейших и важнейших городах — Москве и Петрограде — предполагалось учредить так называемые «столичные» комиссии. Район их действий должен был определяться «границами

⁷⁰ ГАПО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

⁷¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25888. Оп. 1. Д. 60. Л. 38.

⁷² ГАПО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 91. Л. 18.

⁷³ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 425.

⁷⁴ Известия Народного комиссариата ... 1919. 16 февр.

⁷⁵ Там же. 28 февр.

означенных городов по принадлежности», а круг полномочий уравнивался с ГКД⁷⁶. Разделения на чисто городскую и объединяющую уезды губернскую комиссию в Петроградской губернии не произошло, что отчасти отразилось в более позднем именовании Петроградской ГКД: «Комиссия по борьбе с дезертирством города Петрограда и Петроградской губернии». В Москве же была организована столкмедезертир.

ГКД были именно тем уровнем в системе борьбы с дезертирством, на котором сосредоточилась «вся карательная, судебная и предупредительная деятельность»⁷⁷. Они объединили и руководящие, и контролирующие, и исполнительные функции. Главной особенностью ГКД являлись судебные полномочия, которыми они были наделены постановлением СРКО от 29 марта 1919 г. «О предоставлении губернским и столичным комиссиям по борьбе с дезертирством права рассмотрения дел о дезертирстве»⁷⁸. Своей властью они могли накладывать взыскания и наказания на дезертиров и укрывателей.

Заседания комиссий могли открываться при любом количестве присутствующих. Если какой-либо член комиссии не являлся два раза подряд, то он считался выбывшим, а на его место немедленно должен был назначаться другой. В таких случаях проводилась проверка, при установлении неуважительной причины неявки прогульщик признавался виновным в преступлении по должности. Успешность борьбы с дезертирством напрямую была увязана с тем, насколько активными будут вовлеченные в эту работу, смогут ли они «проявить необычайно ярко свою деятельность»⁷⁹.

Постановление ЦКД от 28 февраля 1919 г. обязывало военкоматы выделить часть своих сотрудников для ведения делопроизводства комдезертир⁸⁰. Особые секретариаты для ГКД и УКД Северо-Запада стали реально создаваться только после выхода приказа Петроградского ОВК от 23 апреля 1919 г.⁸¹ Они организовывались в составе делопроизводителя, его помощника, двух переписчиков, трех лиц для

⁷⁶ Сб. постановлений и распоряжений Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. Вып. 3. М., 1919. С. 39.

⁷⁷ Оликов С. Указ. соч. С. 20.

⁷⁸ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 539.

⁷⁹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 257. Л. 6 об.

⁸⁰ Там же. Л. 6.

⁸¹ Руководство к декретам и постановлениям ... С. 58.